

ЗАБОТКИНА. НОВАЯ ЛЕКСИКА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга предназначена для студентов университетов и институтов иностранных языков в качестве учебного пособия по курсу лексикологии английского языка.

Пособие знакомит с новыми тенденциями в развитии словарного состава современного английского языка. В нем рассматриваются основные типы новых слов, вошедших в английский язык за последние два десятилетия.

Пособие ориентировано на коммуникативно-прагматический подход к изменениям, происходящим в лексике английского языка.

Исходя из того, что слово является не только единицей номинации, но и единицей, участвующей в коммуникации, очевидно, можно говорить о появлении нового направления в изучении лексического состава языка -- функциональной лексикологии, которая должна заниматься изучением прагматического аспекта лексики, т.е. выявлять внутренние закономерности, которым подчиняется выбор и адекватное употребление слов в конкретном коммуникативном акте, а также определять связь между процессами создания новых слов и их коммуникативно-прагматической направленностью.

В пособии предпринимается попытка описать новую лексику по линии ограничений на ее употребление в определенных типах ситуаций, выявить факторы, ограничивающие диапазон действия той или иной модели или, напротив, способствующие ее активизации или расширению сферы ее действия.

Теоретической основой при описании новой лексики явились труды советских и зарубежных лингвистов в области теории номинации (Е.С. Кубрякова, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, В.Г. Гак, А.А. Уфимцева), коммуникативной лингвистики и прагмалингвистики (Г.В. Колшанский, Ю.С. Степанов, Т.М. Булыгина, Э.М. Медникова, Э.С. Азнаурова, И.П. Сусов, А.Д. Швейцер, Т.В. Дэйк, С. Левинсон, Дж. Лич, Дж. Остин, Дж. Серль, П. Грайс), а также исследования по теме «Язык и деятельность человека», осуществляемые сектором общего языкознания Института языкознания АН СССР.

Примеры пособия заимствованы из словарей новых слов Барн-харта (1973, 1980), из четырех томов приложения к Большому Оксфордскому словарю под редакцией Р. Берчфильда (1972--1986), из приложений к словарю Вебстера (1976; 1983--1986) и других словарей новых слов, из картотеки новых слов в издательстве Оксфорд юниверсити пресс, из прогрессивной периодики последнего десятилетия.

Материал исследования отражает языковую ситуацию в Великобритании и США сегодняшнего дня и основывается на опросе и анкетировании информантов Лондона, Оксфорда, Вашингтона, Нью-Йорка, а также на аутентичных образцах английского реального речеупотребления, полученных автором в исследовательской группе «Наблюдения за использованием английского языка» (Survey of English Usage) Лондонского университета.

Пособие не преследует цель детально описать все структурно-семантические модели новой лексики. Это было сделано авторами монографии «Английские неологизмы» [Жлуктенко и др., 1983] на материале неологизмов 60--70-х годов, а также являлось целью ряда диссертационных исследований. В то же время главная цель пособия -- ознакомить студентов с основными тенденциями развития словарного состава в прагматическом аспекте.

Под прагматическими аспектами лексики имеются в виду прежде всего те особенности ее употребления, которые связаны с социальным статусом говорящих, с реальными условиями коммуникативных актов и их воздействием на слушающего. Поэтому в описании лексики акцент делается не столько на то, как и каким образом она создается, сколько на то, как она используется и с какой целью.

Автор считает своим приятным долгом поблагодарить доктора филологических наук, профессора Н.Ф. Пелевину, чья филологическая эрудиция помогла в работе над книгой. Искреннюю признательность автор выражает виднейшему английскому лексикографу Р. Бёрчфильду за предоставленную возможность пользоваться аутентичными материалами, за ценные советы, консультации, пояснения, которые помогли в работе над пособием.

Автор благодарит коллектив кафедры английской филологии Ленинградского государственного университета, а также доктора филологических наук, профессора Е.С. Кубрякову за ценные замечания, сделанные при рецензировании рукописи.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

Слово, согласно известному тезису Л.С. Выготского, воплощает в себе единство обобщения и общения, коммуникации и мышления [Выготский, 1982, 25]. Исходя из этого, изучение новой лексики требует обращения к двум аспектам: аспекту создания и развития, с одной стороны, и ее функционирования -- с другой.

Известно, что в науке о языке в разные времена основным был вопрос о том, каким образом язык помогает человеку членить материальный мир и общественно-исторический опыт его носителей [Соссюр, 1977;

Burhler, 1934; Уфимцева, 1986,5].

Деятельность, направленная на Worten der Welt «ословливание» мира [Кубрякова, 1986, 36; ср.: Караулов, 1976, 19; Полякова, 1982, 4 - 5], называется номинативной деятельностью. В результате номинативной деятельности происходит фиксация фрагментов деятельностного опыта человека в лексике.

В гносеологическом аспекте знакообразование есть всегда процесс обращения фактов действительности в знаки и категории языка, отображающие общественный опыт носителей языка, их субъективные и прагматические оценки [Уфимцева, 1986, 51].

Членение действительности (в зависимости от национально-культурной специфики, «соотносимое с объективным планом значений, образует карту мира: подобно карте, в нем отражена действительность в том или ином ее масштабе» [Телия, 1986, 103].

Исходя из того, что слову присуща кумулятивная функция (слово -- это «коллективная память носителей языка», «памятник культуры», «зеркало жизни нации» [Верещагин, Костомаров, 1980, 7]), в пособии значительное место уделяется описанию экстралингвистических реалий английской и американской жизни и культуры последних десятилетий.

В XX веке наблюдается расширение старых и появление новых областей номинации, что вызвано бурным развитием науки, средств массовой информации. Однако развитие номинативной функции языка отражается не только в расширении и обновлении понятийной сферы отнесенности наименований, но и в изменении способов номинации. В разные эпохи языкового развития и в разных языках преобладают различные типы создания номинаций, действуют определенные типы активных номинативных процессов. (Термин А.Н. Иванова [1982])

Сложившаяся в языке лексическая система накладывает известные ограничения на творческую деятельность людей, создающих новые слова.

Основная масса новых единиц образуется с помощью словообразовательных средств. Новое понимание словообразования как источника не только готовых названий, но и правил их образования по определенным моделям и схемам [Кубрякова, 1986, 40] позволило обнаружить действие различных принципов, по которым строятся эти правила (действие аналогии, ассоциативных процессов и т.д.).

Между номинативной и коммуникативной деятельностью существует непосредственная связь. «Именование предмета или ситуации есть не только процесс обозначения, но одновременно и процесс познания и коммуникации» [Колшанский, 1975, 68].

В связи с оформлением в языкознании последних десятилетий новой коммуникативно-прагматической исследовательской парадигмы, опирающейся на принцип деятельности, можно говорить о возможности прагматического подхода к единицам всех языковых уровней, в том числе и к единицам лексического уровня.

Мы исходим из широкого понимания прагматики как науки, «изучающей язык с точки зрения использующего его человека в аспекте выбора языковых единиц, ограничений на их употребление в социальном общении и эффекта воздействия на участников коммуникации» [Crystal, 1985, 240].

Исследование словарного состава в прагматическом аспекте, т.е. с точки зрения уместности употребления лексических и фразеологических единиц в зависимости от ситуации общения и целей, к достижению которых стремится говорящий, позволяет выделить новое направление в изучении лексической системы языка -- функциональную лексикологию.

Перед функциональной лексикологией стоит задача выявить внутренние закономерности, которым подчиняется выбор и адекватное употребление той или иной лексической единицы в каждом конкретном коммуникативном акте.

Вряд ли представляется реальным говорить об описании всех единиц словаря с учетом их употребления во всех возможных ситуациях общения. Однако можно предпринять попытку описать лексику по линии ограничений (рестракций) на ее употребление в определенных типах ситуаций.

Выявление закономерностей подобных ограничений предполагает разработку типологии прагматических ситуаций с учетом таких параметров, как место, время, цели, намерение говорящего, его социальное положение, профессия, пол, возраст [Азнаурова, 1988]. «У каждого жителя страны,--писал Р. Музиль в «Человек без свойств»,-- имеет, по крайней мере, девять характеристик: профессиональный, национальный, государственный, классовый, географический, половой, осознанный, неосознанный и еще, может быть, частный, он соединяет их в себе...» [Музиль, 1984, 58]. Очевидно, при разработке типологии прагматических ситуаций и вытекающих отсюда прагматических правил¹ необходимо учитывать все эти девять свойств личности.

¹Под прагматическими правилами, вслед за Г. Фритцем, понимаются условия, зависящие от социального статуса говорящих, от коммуникативной констелляции, от типа коммуникативного акта и типа текста [Fntz, 1974. 126].

Кроме того, человеческий фактор, являющийся центральным понятием функционального языкознания, требует рассмотрения личности во всех ее ипостасях: homo faber (человек создающий), homo loquens (человек говорящий), homo ludens (человек играющий), homo sociologicus (человек социологический), homo psycho-logicus (человек психологический) и, наконец, homo agens (человек действующий) [Каган, 1974], интегрирующий все вышеперечисленные ипостаси.

В процессе прагматического анализа новых слов необходимо также иметь в виду регулярную модель социальной дифференциации языка У. Лабова [Labov, 1966], усовершенствованную А.Д. Швейцером [1983]. В основе этой модели, как известно, лежит существование двух видов социальной вариативности языка: стратификационной (классовая и слоевая принадлежность, принадлежность к социальным институтам, профессиональным обязанностям, возраст, пол, образование и др.) и ситуативной (официальная, нейтральная, неофициальная тональность ситуации, ролевые отношения коммуникантов и т.д.). Между двумя видами вариативности, как указывает У. Лабов, существует тесная взаимосвязь: одна и та же модель ситуативной вариативности может по-разному реализовываться в различных социальных группах.

Хотя словари не дают указаний на преимущественное употребление слов в различных социальных классах и группах, тесты с носителями языка доказывают наличие в словах скрытых компонентов, предписывающих их употребление в определенном классе.

Процессы урбанизации и внутренней миграции населения сказываются на профессиональной дифференциации языка. Профессиональный параметр в последние годы является чрезвычайно активным фактором, конституирующим прагматику слова.

К числу специфических факторов, предписывающих ограничения в аспекте стратификационной вариативности, относятся возраст, пол, образование. По возрастному параметру традиционно выделяют язык молодежи, а именно, студентов и школьников.

Расовый параметр ограничивает выбор и употребление новых лексических единиц рамками негритянского населения.

Иными словами, можно говорить об иерархии факторов, определяющих статус говорящего и участвующих в построении типологии параметров прагматической ситуации. Данные параметры составляют лишь внешнюю группу факторов, предписывающих адекватный выбор и ограничения на употребление слова в акте коммуникации.

С другой стороны, рассмотрение факторов содержательного порядка позволяет вскрыть существование в значении слова прагматических компонентов, кодирующих вышеописанные прагматические параметры, а также предписывающих ограничения на употребление лексических единиц. Иначе говоря, одной из задач праг-малингвистики является изучение тех аспектов использования языка, которые закодированы на уровне лексического значения.

Идея прагматической маркированности слова не является принципиально новой. Еще Дж. Катц [Katz. 1977. 20]. анализируя слова <i>doggie</i> и <i>bunny</i> , отмечал, что они содержат в себе указания на употребление в речи ребенка или по отношению к ребенку.
--

В пособии предпринята попытка прагматической дифференциации новой лексики по линии ограничений на употребление как с точки зрения внешних факторов, так и с точки зрения факторов содержательного порядка. В отличие от стилистики, предметом изучения которой является употребление того или иного слова, выбранного с целью создания эмоционально-экспрессивного эффекта, функциональная лексикология опирается на прагматически-релевантные факторы трех более широких порядков:

- 1) содержательного,
- 2) социологического,
- 3) психолингвистического.

Особую важность приобретает функционально-прагматический подход при исследовании новых слов и значений.

Само появление нового слова диктуется прагматическими потребностями. Отправитель сообщения выбирает из наличного лексического репертуара то, что наилучшим образом выражает его мысли и чувства. Если в лексиконе отправителя такого слова нет, он видоизменяет старую или создает новую лексическую единицу [Кубрякова, 1986]. Как справедливо отмечает Г. Брекле, новые лексические единицы создаются в процессе речи как осуществление говорящим определенного коммуникативного намерения, а не как единицы, заранее планируемые говорящим для расширения и пополнения лексики [Brekle, 1978, 68-77].

Можно говорить о существовании определенной диалектической связи между прагматикой и активными номинативными процессами. Так, например, появление у слова нового лексико-семантического варианта в свете коммуникативно-прагматической парадигмы может быть рассмотрено как результат прагматической вариативности слова. Под прагматической вариативностью слова мы понимаем варьирование в его употреблении в различных ситуациях общения в зависимости от социального, территориального, национального, возрастного и прочих статусов участников коммуникации [Заботкина, 1988]. Одна и та же лексема по-разному реализуется в однотипных ситуациях представителями различных слоев носителей языка. В результате употребления слова в не типичной для него ситуации (контексте) носителем иного социолекта (языка определенной социoproфессиональной группы) оно приобретает новый оттенок значения, который затем оформляется в отдельный лексико-семантический вариант слова.

С другой стороны, любая новизна семантическая порождает новизну прагматическую. Появившийся новый ЛСВ слова расширяет прагматику всей лексемы, так как расширяется спектр ситуаций и контекстов ее употребления, а следовательно, и ограничений на употребление.

Вызванная прагматической вариативностью новая единица семантической деривации порождает дальнейшую прагматическую новизну всей лексемы в целом.

Описание словарного состава в аспекте функциональной лексикологии предполагает разработку функционального аспекта лексикографической практики. Связь, существующая между параметрами прагматической ситуации и прагматическими компонентами слова, должна отражаться в словарях. Речь идет о введении прагматической зоны в словарную дефиницию, на необходимость которой указывал в одной из своих работ Ю.Д. Апресян [1987], и о разработке дополнительной системы помет.

Одной из задач лексикографической практики, особенно учебной лексикографии, является экспликация в прагматической зоне словарной статьи скрытых компонентов, предписывающих ограничения на употребление лексических единиц в определенных ситуациях общения.

В систему прагматических помет должно также входить указание на диахроническую глубину слова по оппозиции: архаическая--устаревающая -- новая, а также указание на частотность употребления слова (по

оппозиции: обиходное vs редкое); конкретная сфера употребления (профессиональный регистр, например, научный, юридический и тл.).

Вышеуказанная система помет должна быть включена, прежде всего, в словари для иностранцев, а также в словари новых слов и значений, которые вызывают трудности адекватного выбора и употребления. Введение прагматической зоны в толковый словарь может показаться громоздким. В таком случае можно вести речь о создании специального словаря употребления языка определенной эпохи. (Ср.: [Винокур, 1988].)

Исследование прагматического аспекта нового слова с неизбежностью предполагает обращение к тексту. Введение нового слова в текст изменяет лексическую структуру текста. Лингвистами установлена статистическая закономерность прироста новых слов в тексте, которая тесно связана с содержанием текста, а также с его прагматической установкой. Представляется необходимым выявить закономерности содержательной/прагматической обусловленности появлений новых слов в тексте, выявить типы прагматических установок текста в зависимости от социальной детерминированности «модели адресата», от вида адресата (массовый читатель, специалист-интерпретатор и тд.) [Азнаурова, 1988]. Анализ взаимодействия прагматики нового слова с текстом требует ответа на следующие вопросы:

1. Как взаимодействует слово с единицами более высокого порядка в прагматическом аспекте?
2. Как соотносится процесс первичного введения нового слова в текст с процессом использования в тексте уже созданного нового слова? Какова роль прагматических факторов в этих двух процессах?
3. Чем отличается прагматика нового слова от прагматики канонической единицы? В какой мере след времени, зафиксированный в прагматической структуре нового слова, взаимосвязан с прагматическими свойствами текста?
4. Как соотносится прагматика нового слова с тезаурусом коммуникантов и с пресуппозициями общения?
5. Как происходит декодирование прагматической информации слова в контексте? В данном пособии мы попытаемся наметить возможные пути решения этих вопросов.

ГЛАВА I. АКТИВНЫЕ НОМИНАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

§ 1. Основные проблемы неологии в аспекте деятельностного подхода к языку

В настоящий момент английский язык, так же как и многие другие языки, переживает «неологический бум». Огромный приток новых слов и необходимость их описания обусловили создание особой отрасли лексикологии -- неологии -- науки о неологизмах [Гак, 1978; Медникова, 1978; Котелова, 1978; Иванов, 1983; Заботкина, 1982; Scherwinsky, 1978; Goose, 1975; Gilbert, 1973; Guilbert, 1975; Galinsky, 1967].

Наибольших успехов в разработке теории неологии добились французские лингвисты. Начиная с классических работ А. Дарм-стетера [Darmesteter, 1877,1927], французская лингвистическая школа внесла значительный вклад в теорию и практику неологии [Rey, 1976; Guilbert, 1975; Darbelnet, 1972; Deroy, 1971; Corbeil, 1971].

Успешно разрабатывают науку о неологизмах советские лингвисты. Особого внимания заслуживают словари-справочники новых слов и значений, составленные по материалам прессы и художественной литературы под редакцией В.З. Котеловой [1971, 1984, 1986]. Ценным представляется приложение к Большому англо-русскому словарю под редакцией И.Р. Гальперина [1983].

Большой вклад в практику неологии вносят английские и американские лингвисты, разрабатывающие лексикографические аспекты неологизмов. Речь идет о словарях новых слов и о приложениях к толковым словарям.

Среди первых важнейших работ в области английской неологии известны такие, как словари А.М. Тейлора (Taylor. 1948) и Р. Зандворта [Zandwort, 1958], отражающие новое в лексике английского языка времен второй мировой войны: словарь новых слов П. Берга [Berg. 1953], включающий новые лексические единицы, которые появились в английском языке с начала 30-х годов до 1953 г.: словарь М. Рейфера [Reifer. 1955], регистрирующий около 4500 новообразований периода с 30-х годов до 1955 г.

В последнее десятилетие изданы два ценных словаря Барнхар-та [Barnhart, 1973, 1980]. Они фиксируют около 10000 новых слов и значений 1963-1980 гг.

Издано три однотомных приложения к третьему изданию словаря Вебстера: «6 тысяч слов» (1976), «9 тысяч слов» (1983), «12 тысяч слов» (1986). Заслуживают внимания словари новых слов Н. Магера [Mager, 1982],

Лемяе [LeMay, 1985], словарь новых слов Лонг-мэн Гардиан [Longman Guardian, 1986], а также словарь жаргона Дж. Грина [Green, 1987].

Значительным достижением английской лексикографии является выпуск четырехтомного приложения к Большому Оксфордскому словарю под редакцией Р. Бёрчфильда, содержащего более 60000 словарных статей и более полумиллиона иллюстративных примеров, которое заменило однотомное приложение 1933 г. Новое приложение БОСа, регистрирующее изменения в лексике английского языка с 1884 г. (когда была издана первая часть первого тома БОСа), отражает обширный географический ареал -- это Англия, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка, Индия и другие англоязычные страны.

Приложение отличается от словарей Барнхарта более фундаментальным подходом. Так, чтобы включить слово в словарь новых слов Барнхарта, необходимо, чтобы оно употреблялось в течение года, в то время как в лексикографическом центре Оксфордского университета этот срок в пять раз больше, что исключает возможность фиксации слов-однодневок, окказионализмов различных видов.

Однако теория неологии в англистике еще не оформилась как самостоятельная область лексикологии. Между тем, в английском языке, по данным Р. Бёрчфильда, в среднем за год появляется 800 новых слов -- больше, чем в любом другом языке мира. Это ставит перед англистами задачу не только фиксации новых слов, но и их исследования. Особую важность приобретает описание нового слова в аспекте деятельностного подхода к языку. Как известно, истоки данного подхода восходят к концепции В. Гумбольдта. (Ср.: [Посто-валова, 1982, 60; Иванов, 1983, 72].) Основные проблемы неологии в деятельностном аспекте сводятся к следующему:

Частично мы основываемся на проблематике, предложенной В.Г. Гаком [1978, 36].

- 1) выявление путей опознания новых слов и значений,
- 2) анализ факторов их появления в соотнесенности с прагматическими потребностями общества,
- 3) изучение моделей их создания и ограничений на их употребление,
- 4) разработка принципов отношения к ним (их принятия или нет) в различных социопрофессиональных, возрастных и прочих группах,
- 5) лексикографическая обработка с указанием прагматических ограничений на употребление в различных ситуациях общения с учетом социальной дифференциации языка.

В процессе решения этих проблем лингвисты пытаются ответить на вопросы о том, из каких прагматических потребностей создается новое слово, «какие фрагменты опыта и почему именно они требуют лексической фиксации, что в деятельностном опыте человека должно измениться, чтобы появилась необходимость создания нового слова, кто создает новое слово, как и в каких условиях оно создается, каковы лингвистические механизмы создания нового слова, каков исходный морфемный, модельный, лексический фонд, как изменяется номинативная активность отдельных механизмов, как включается слово в лексическую систему, каков механизм адаптации нового слова» [Иванов, 1983, 75, ср.: Котелова, 1988, 59].

Появление нового слова является результатом борьбы двух тенденций--тенденции развития языка и тенденции его сохранения. Это обусловлено тем, что «в языке существует довольно сильная тенденция сохраняться в состоянии коммуникативной пригодности» [Серебренников, 1983, 23]. Однако для того чтобы более адекватно отразить, воспроизвести и закрепить новые идеи и понятия, язык вообще и лексика в особенности вынуждены перестраиваться, дифференцироваться, порождать новые единицы. При этом появление нового слова не всегда вызвано прямыми потребностями общества в новом обозначении. Зачастую неологизм--это результат новых ассоциаций или результат устранения омонимии и тд., т.е. при создании неологизма зачастую действуют чисто внутриязыковые стимулы.

Чтобы ответить на вопрос о том, как создается новое слово, необходимо обратиться к теории номинации.

Теория номинации развивалась прежде всего как теория, направленная на объяснение пути от вещи к ее обозначению, т.е. пути от предметного мира--к наречению отдельных его фрагментов. В этом заключается сущность ономазиологического подхода к исследованию языка; подхода, который «рассматривает содержательную сторону языковых единиц с точки зрения предметной направленности, то есть соотнесенности с внеязыковым предметным рядом как средства обозначения, именования последнего» [Уфимце-ва, 1977, 19].

В акте первичного «крещения» объекта участвует определенный индивидуум. В структуре акта номинации в качестве отправного пункта оказывается сложное переплетение интенций говорящего и его личностных смыслов, т.е. индивидуальное смысловое задание говорящего [Кубрякова, 1986, 4].

Человек, создающий новое слово (originator--терминология Ю. Найды [Nida, 1964, 52]), стремится к индивидуализации и оригинальности. Затем слово проходит несколько стадий социализации (принятие его в обществе) и лексикализации (закрепление в языковой системе).

Термины В.Г. Гака [1978].

Слово воспринимается посредниками (purveyors), которые распространяют его среди масс. Это, как правило, преподаватели университетов, школьные учителя, репортеры, работники средств массовой информации. Слово фиксируется в периодической печати. Очередная стадия социализации--принятие слова широкими массами носителей языка. Далее идет процесс лексикализации, а затем--приобретение навыков адекватного употребления нового слова, т.е. приобретение коммуникативно-прагматической компетенции носителями языка.

На этой стадии прагматика предписывает правила адекватного употребления новой лексической единицы, выявляет типичные для нее контексты употребления, а также условия, противопоказанные для ее использования, т.е. создающие «прагматическую аномалию» [Арутюнова, Падучева, 1985, 9].

В результате акта номинации создается единица, относящаяся к одному из типов единиц номинации (производному или сложному слову, словосочетанию). Каждый тип единиц номинации характеризуется неповторимым набором признаков. Такими признаками, вслед за Е.С. Кубряковой, считаем:

«а) синтетизм vs аналитизм наименования, что позволяет противопоставить наименования, замкнутые рамками одного слова, несколькословным наименованиям;

б) глобальность знака, его семантическая целостность vs расчлененности и мотивированности, что позволяет противопоставить слово производное как холистический знак всем прочим, демонстрирующим разную степень расчлененности: так, производные слова менее расчленены в своей семантике, чем сложные, сложные--менее, чем словосочетания и предложения, хотя все перечисленные единицы составлены из более мелких единиц и потому передают свое значение через образующие их знаки и отношения между ними;

в) отсутствие или же наличие предикативной связи между составляющими знаками, что позволяет выделить слово простое без этой связи и противопоставить его всем прочим единицам номинации, где эта связь присутствует либо в латентном, скрытом виде ..., либо является внешне выраженной» [Кубрякова, 1986, 43].

§ 2. Классификация новой лексики

Одной из нерешенных проблем неологии является проблема термина «неологизм». От традиционных канонических слов неологизмы отличаются особыми связями со временем, которые фиксируются коллективным сознанием. Новыми словами лексикологи и лексикографы считают единицы, которые появляются в языке позднее какого-то временного предела, полагаемого за исходный. Так, некоторые исследователи считают таким пределом конец второй мировой войны [Миклашевская, 1971]. Другие связывают появление новых слов с освоением космоса и определяют границу 1957 г. -- годом запуска первого спутника. Таким образом, критерий неологизма, с одной стороны, произволен, с другой--объективен.

В данном пособии термин «неологизм» используется условно. В качестве временного предела, являющегося критерием отнесения слова к категории новой лексики, берется 1963 г. (именно этим годом определяет Барнхарт временную границу неологизмов в своем словаре новых слов).

Любое новое слово имеет качество неологизма, т.е. временную коннотацию новизны, пока коллективное языковое сознание реагирует на него как на новое.

Многие из анализируемых нами слов уже прошли процесс социализации, а частично и лексикализации. Как показали опросы информантов в Англии и США, многие из слов, зафиксированных в словарях Барнхарта и Бёрчфильда, не воспринимаются носителями языка как новые. Они потеряли временную коннотацию новизны, так как употребляются носителями языка уже около двух десятков лет. Однако мы относим данную лексику к новой, так как она появилась в английском языке за последние 25 лет, что является чрезвычайно коротким временным отрезком в плане исторического языкового развития, и в гносеологическом плане данная лексика еще не утратила свою новизну.

Единицей эволюции языка, как известно, является изменение номинации, т.е. соотношения между означаемым и означающим. По мнению В.Г. Гака, возможны четыре элементарных изменения в процессе наименования: использование данного знака для обозначения нового объекта, введение нового знака для обозначения объекта, уже имеющего название в языке, введение нового знака с новым означаемым и, наконец, неупотребление знака в связи с дезактуализацией обозначаемого¹

¹ Для целей нашего пособия представляется важным рассмотреть три из четырех перечисленных изменений. Вопрос об устаревании слова затрагивается нами в разделе «Картина мира и ее лексическая фиксация».

² Данная классификация заимствована из работ ЛА Хахам [1970], Е.В. Розен

[Гак, 1980, 19]. Иначе говоря, неологизм есть новое слово (устойчивое сочетание слов), новое либо по форме, либо по содержанию (и по форме, и по содержанию). Исходя из этого, в вокабуляре неологизмов можно выделить²:

- 1) собственно неологизмы (новизна формы сочетается с новизной содержания): audiotyping аудиопечатание; bio-computer компьютер, имитирующий нервную систему живых организмов; thought-processor компьютер, логически выстраивающий и развивающий идеи;
- 2) трансноминации, сочетающие новизну формы слова со значением, уже передававшимся ранее другой формой: sudser мыльная опера; big C (мед.) рак; Af, houtie негр;
- 3) семантические инновации, или переосмысления (новое значение обозначается формой, уже имевшейся в языке): bread деньги; drag скущица; acid наркотик ЛСД; gas нечто волнующее и очень приятное.

В языке последних десятилетий преобладают единицы первой группы, что связано с возросшей потребностью общества дать названия новым реалиям, возникшим в связи с научно-техническим прогрессом. Так, бурное развитие компьютерной техники вызвало к жизни, помимо указанных выше примеров, такие единицы, как to telecommute (telework) работать на дому, используя электронную связь через компьютер с руководящим учреждением и клиентами (ср.: telecommuter научный консультант, исследователь, программист или любой другой специалист, связывающийся по персональному компьютеру с учреждением; ср. также: electronic cottage дом такого работника).

Трансноминации, появляющиеся в языке с целью дать новое, более эмоциональное имя предмету, уже имеющему нейтральное наименование, отражают тенденцию к употреблению более экспрессивных форм. Данная тенденция наряду с другими отражает процессы, связанные с необходимостью улучшения языкового механизма. Например: bubble-headed, airhead, airbrain (новые сленговые единицы, ограниченные в употреблении американским вариантом) легкомысленный, глупый; burned-out выжатый, усталый; bail-out выручка, помощь.

Под семантическими инновациями понимаются новые значения уже существующих слов. При этом возможны следующие варианты:

- 1) старые слова полностью меняют свое значение, утрачивая ранее существовавшее;
- 2) в семантической структуре слова появляется еще один лексико-семантический вариант (ЛСВ) при сохранении всех традиционных.

Среди семантических инноваций последних десятилетий преобладают единицы второго типа. Так, слово mafia расширило свое значение и стало означать «любое секретное сообщество, замкнутый круг, клан» (ср.: literary mafia). Среди наиболее употребительных новых значений в современном английском языке можно отметить charisma сильная личная притягательная сила, магнетизм; bummer разочарование, досада, неприятность; go-go динамичный, современный; funky приятный, отличный; banana, особенно во фразе to go bananas сходиться с ума; flaky эксцентричный. Последние три единицы ограничены в употреблении американским вариантом, ситуациями неформального общения, когда коммуниканты находятся в равных социальных и возрастных отношениях.

Слово cosmetic развило два новых значения: 1) декоративный, 2) обманчивый:

An unpopular and timid government introduces cosmetic measures just before an election, in the hope that a week is a long time in politics and that the memory of the public is as short as its belief in politicians promises is bottomless.

В связи с тем, что рамки пособия не позволяют продемонстрировать контексты реального употребления всех приводимых нами примеров, мы это делаем выборочно. по отношению к словам, прагматику которых трудно понять без дополнительной иллюстрации.

Слово sophisticated потеряло свои отрицательные коннотации (импликации искусственности поведения) и приобрело вполне положительное значение «современный, технологически прогрессивный». В научных подразделениях университетов это слово употребляется как синоним к слову expensive, например, во фразе: My laboratory needs more sophisticated equipment. Когда слово sophisticated употребляется по отношению к человеку, в своем новом значении, оно также теряет отрицательные коннотации и обозначает качество,

противоположное наивности.

Слово *box* развило несколько новых значений. В британском варианте оно обозначает «телевизор» (ср. заголовок газетной статьи *Less box, more books*). В американском варианте новый ЛСВ имеет значение «портативный магнитофон». Телевизор же в США в обстановке неформального общения называют *the tube* (еще одно дополнительное значение в семантической структуре слова *tube*) или *the boob tube*.

Широко употребляется в обоих вариантах английского языка прилагательное *heavy* в новом значении «серьезный» (особенно во фразе *It is a heavy question (problem)*).

В целом, среди семантических инноваций наблюдается тенденция к образованию более абстрактных ЛСВ слова, преобладает расширение значения. Специализация значений менее характерна для последних десятилетий. Семантические неологизмы в большей степени, чем другие виды новообразований, употребляются в сленге.

Изложенная выше классификация не учитывает способ создания новых слов. Между тем, исследование новой лексики в функциональном аспекте предполагает анализ способов появления неологизмов, ибо подобный анализ готовит почву для перехода к прагматическому аспекту новых слов.

С учетом способа создания неологизмы подразделяются на:

Мы исходим из классификации, предложенной Луи Гилбером [Guilbert, 1975].

- 1) фонологические,
- 2) заимствования,
- 3) семантические,
- 4) синтаксические, создаваемые путем комбинации существующих в языке знаков (словообразование, словосочетание).

Нам представляется целесообразным расчленив четвертый тип неологизмов на морфологические (словообразование) и фразеологические (словосочетания)

В нашем пособии мы не рассматриваем фразеологические единицы

Рассмотрим подробнее каждый из типов неологизмов.

I. Фонологические неологизмы создаются из отдельных звуков. Они представляют собой уникальные конфигурации звуков. Такие слова иногда называются «искусственными» или «изобретенными» [Розен, 1976]. Новые конфигурации звуков иногда сочетаются с морфемами греческого или латинского происхождения, например: *perfol* пластическая пленка, *acryl*, *perlon* (синтетические материалы).

К группе фонологических неологизмов мы условно относим новые слова, образованные от междометий, например: *zizz* (британский сленг) короткий сон (имитация звуков, издаваемых спящим человеком, часто передается в комиксах при помощи трех букв *zzz*). Или *sis-boombah* (американский сленг) зрелищные виды спорта, особенно футбол (слоги, часто употребляемые школьниками для подбадривания игроков). Ср.: *to zap* стрелять; ударять в зубы (в прямом и переносном смысле) (первоначально *zap* употреблялось как междометие в комиксах для передачи в графической форме звука космического оружия); *to whee* (американский сленг) волновать (от *whee*--междометия, употребляющегося для выражения радости, восторга). Или: *diddy-bop* (американский сленг) идти легкой, ритмичной походкой, как бы танцуя, *qwerty* неофициальное название клавиатуры печатной машинки (по первым буквам верхнего ряда стандартной печатной машинки *q, w, e, r, t, y*) [BDNE-II].

Здесь и далее BDNE-II -The second Bamhart Dictionary of New English: BDNE-I. *Bamhart et al.* A Dictionary of New English

К этой же группе условно можно отнести и новые междометия: *yesh* [jek] или *yuck* (ограничено в употреблении американским сленгом) -- междометие, выражающее сильное отвращение (от данного междометия образовалось прилагательное *yucky/yukky* отвратительный, употребляемое преимущественно детьми и подростками).

Данные неологизмы обладают самой высокой степенью коннотации новизны и могут быть отнесены к «сильным неологизмам». Высокая степень их новизны объясняется необычностью и свежестью их формы.

II. К сильным неологизмам можно отнести и **займствования**, которые отличаются фонетической дистрибуцией, не характерной для английского языка, а также нетипичным морфологическим членением и отсутствием мотивации.

Английский язык продолжает расширяться за счет займствований, но гораздо в меньшей степени, чем это было в средние века и в эпоху Ренессанса. Из «принимающего» языка он превращается в «дающий». Это, очевидно, связано с тем, что английский язык приобрел статус Lingua franca (языка общения) XX века. Однако несмотря на то, что займствования, по данным Кэннона [Cannon, 1986], составляют всего 7,5% от общего количества неологизмов и находятся как бы на периферии лексической системы, их рассмотрение представляется совершенно необходимым, так как без этого нельзя представить себе весь корпус новой лексики.

Основным языком-источником продолжает оставаться французский. За последние 25 лет резко уменьшилось число скандинавских займствований. Новой тенденцией является рост займствований из африканских и азиатских языков, особенно из японского. Основными центрами аттракции для новых займствований являются:

- 1) культура: cinematheque, discotheque, anti-roman (из французского);
- 2) общественно-политическая жизнь: ayatollah (из арабского) религиозный вождь исламской секты Shule в Иране (слово стало широко известно с января 1979 г., когда после свержения шаха Ирана к власти пришел аятолла Хомейни);
- 3) повседневная жизнь (напитки, пища, спорт, одежда): petit dejeuner (фр.) небольшой завтрак;
- 4) научно-техническая: biogeocoenose (из русского) экологическая система.

Наибольшей степенью новизны отличаются варваризмы, неассимилированные единицы, которые преобладают среди новой займствованной лексики. Например: dolce vita (из итальянского) сладкая жизнь; lunokhod (из русского); gonzo (из итальянского) дикий, сумасшедший. К ним близки ксенизмы (займствованные единицы, отражающие специфику быта страны-источника: gyro (из греческого) тип бутерброда (тонкий слой поджаренного мяса на небольшом куске хлеба); zazen (из японского) медитации, практикуемые в дзен-буддизме; kung fu (из китайского) борьба кунг фу.

Различие между варваризмами и ксенизмами заключается в том, что первые имеют синонимы в языке-реципиенте, вторые обозначают явления, объекты, существующие только в стране-источнике и отсутствующие в принимающей стране. Следовательно, ксенизмы обладают большей степенью новизны, хотя они, по результатам нашего исследования, составляют лишь 14% от всех займствований.

Ассимилированных займствований в современном английском языке мало. Это преимущественно займствования из идиш, например, nudzh или nudge (американский сленг) зануда; комбинированное займствование из идиш nudyen утомлять, нудить и из русского нудный. Слово подверглось ассимиляции под влиянием английского to nudge толкать.

Одной из отличительных особенностей новой займствованной лексики является заметное уменьшение пропорции калек (по сравнению с древнеанглийским). Среди них наиболее употребительными являются следующие: dialogue of the deaf (калька из французского dialogue des sourds) дискуссия, в которой участники не обращают внимания на аргументы друг друга; gliding time (из немецкого Gleitzeit) скользящий график (употребляется преимущественно в британском варианте); photonovel (из испанского fotonovela) фотороман (роман, состоящий из фотографий, обычно с диалоговыми вставками в стиле комиксов).

Среди всех займствований наиболее употребительными в разговорной речи являются единицы из идиш, именно они в большей степени, чем другие, маркированы в словарях новых слов пометой «сленг».

Все приводимые ниже единицы вошли в новый словарь американского сленга Р. Чэпмана [Chapman, 1987].
--

Например: yenta сплетница, zoftig приятно упитанный (употребляются мужчинами по отношению к женщине); glitch дефект (в 60-е годы слово вошло в космический сленг, в 70--80-е годы оно стало употребляться в сленге специалистов по компьютерам в ситуации неожиданных нарушений в программе). Особенно популярным сленговым займствованием из идиш стало слово to shlep (schlep) тащить, тащиться. Ср.: I'd have to shlep around to the office. Или (шутливый разговор служащего и покупательницы в лондонском магазине):

Clerk: Shall I have these jars of marmalade shipped air express?

Customer: I don't mind carrying them; I'm from the Bronx.

Clerk: I understand. Madam, but still-why shlep?

При этом заимствования не замещают исконно английские единицы, как это было в средние века, когда заметно изменились пропорции германской лексики в английском словаре. Следствием заимствования является не только пополнение словарного состава, в его процессе изменяется стилевая окраска лексических единиц, их внутренняя структура, формируются омонимические отношения. Заимствование способствует также вариантности лексических единиц и отчасти обуславливает ее [Ивлева, 1986, 79].

III. В меньшей степени неологичны **морфологические** неологизмы, создаваемые по образцам, существующим в языковой системе, и из морфем, наличествующих в данной системе. Речь идет о словообразовании, о таких регулярных словообразовательных процессах, как аффиксация, конверсия, словосложение, и о менее регулярных, таких, как сокращение, лексикализация и пр.

Впервые попытка создать таксономию словообразовательных средств была предпринята еще Платоном в его «Кратиле». И хотя в XX веке появилось несколько новых видов словообразования, таких, как акронимия и телескопия, мы можем говорить о существовании традиционной таксономии словообразования. Однако, несмотря на традиционность словообразования, долгое время оно не являлось предметом научных исследований и лишь в XX веке обрело свой лингвистический статус. (См. работы Степановой, Кубряковой, Маршана.) Система словообразования--это результат действия тенденции к типизации.

Главное, что отличает морфологические неологизмы от фонологических и от заимствований,--это наличие аналогии и типизации в основе их образования.

§ 3. Основные способы создания морфологических неологизмов

Аффиксальные неологизмы

Аффиксальные единицы, как правило, складываются целиком в русле английских словообразовательных традиций, их морфологическая структура и характер мотивации значения укладываются в сложившееся у носителей английского языка представление об обычном, стандартном слове. Поэтому появление производных неологизмов сознательно отмечается носителями языка только тогда, когда они осознают новизну обозначаемого.

Этот способ преобладает при создании собственно неологизмов. Производное слово, так же как и сложное, характеризуется, в отличие от простого, наличием семантической расчлененности и наличием внутренней предикации [Кубрякова, 1986, 43].

Аффиксальные единицы, по данным Кэннона [Cannon, 1986], составляют 24% всех новообразований и в незначительной степени уступают сложным словам. Однако никогда еще в истории английского языка число аффиксов и их дистрибуция не были настолько богаты и разнообразны, как в настоящий период.

Всего за последние 25 лет в образовании новых слов было использовано 103 суффикса

Данные заимствованы из доклада Дж. Алджео "Etymological Sources for Neologisms in Present-Day English" прочитанного в Великобритании на III Конференции по английской исторической лингвистике в марте 1983 г. См. также [Algeo, 1980].

: -ability, -able, -ac, -acy, -(i)al, -ally, - (i)an,

-age, -ance, -ant, -ar, -arium, -ary, -ase, -ate, -atic, -ation, -ative, -cade,

-dom, -ectomy, -ed, -ee, -eer, -erne, -emia, -er/or, -ers, -cry, -ese, -est,

-esque, -et, -eteria, -ette, -fest, -hood, -ia, -iasis, -ic, -ica, -ical, -idan, -idty,

-ics, -idase, -ide, -ie, -ification, -ify, -igenic, -in, -inc (adj), -ine (nominal),

-ing, -ino, -ion, -ional, -ish, -ism, -ist, -ite (person), -ite (mineral), -ity, -ium,

-ive, -ization, -ize, -ized, -less, -let(te), -ly, -metry, -mydn, -ness, -nik, -o,

-old, -ol, -ola, -ologist, -ology, -oma, -on, -onium, -ory, -orium, -ose, -osis,

-ous, -plex, -ry, -s (area of study), -s (plural of disease), -scape, -ship, -stcr,

-sville, -tron, -tuplet, -ure, -y (adj), -y (nominal).

В образовании новых единиц активное участие принимают полусуффиксы (combining forms = c.f.): -athon, -gate, -gram, -intensive, -friendly, -manship, -oriented, -a/oholic, -pedia/paedia, -speak, -watcher, -wide.

Префиксальные новообразования менее многочисленны, хотя количество префиксов и полупрефиксов превышает количество суффиксов и полусуффиксов. Всего, начиная с 1963 г., в образовании новых префиксальных единиц приняли участие 127 префиксов и полупрефиксов, среди которых преобладают единицы латинского происхождения (префиксы греческого происхождения немногочисленны): a(n)-, aero-, agri-, agro-, ambi-, anti-, aqua-, apres-, atto-, astro-, audio-, auto-, bi-, bio-, cardio-, chemo-, cine-, co-, counter-, cryo-, cyto-, de-, demi-, di-, dial-, dis-, dys-, eco-, estro-, endo-, eutero-, epi-, ethno-, eu-, Euro-, exo-, extra-, fibrino-, flexi-, fluki-, geo-, halo-, hemi-, hetero-, holo-, hydro-, hyper-, hypno-, immuno-, industrio-, integro-, inter-, intra-, iso-, kako-, kine-, leparo-, litho-, luteo-, macro-, magni-, maxi-, mal-, mega-, meso-, meta-, micro-, mini-, mis-, mono-, multi-, mucos-, nanno-/nano-, neo-, neuro-, non-, omni-, over-, ortho-, paleo-, para-, peri-, petro-, photo-, phyto-, pico-, poly-, porno-, post-, pre-, pro-, proto-, pseudo-, psycho-, psychoto-, quasi-, re-, resisto-, retro-, rhabdo-, rifa-, semi-, sexo-, syn-, socio-, sono-, sub-, super-, supra-, tele-, tera-, tetrahydro-, trans-, tri-, tropo-, turbo-, ultra-, un-, under-, ur-, uro-, xeno-.

Среди наиболее продуктивных префиксов следует отметить:

anti-, co-, de-, non-, post-, pre-, ne-, sub-, in- [BDNE-II, 142].

Наибольшую степень новизны обладают, естественно, единицы, созданные при помощи новых аффиксов и полуаффиксов, таких, как: -on, -ase, -sol, -nik, -manship, eco-, mini-, maxi-, ur-, mega-, cine-, -oholic, gate-, -watcher, dial-a-, flexi-, apres- и т.д.

Характерной чертой современных аффиксов является их тер-минологизация, их строгая прагматическая закреплённость за определенной научно-технической сферой. Около половины всех аффиксальных новообразований относятся к сфере науки.

Наиболее активно деривация участвует в образовании новых терминов физики и биологии. Например, суффикс -on (элементарная единица или частица) используется для создания таких терминов, как: gluon новая элементарная частица в физике, склеивающая кварки, luxon элементарная частица с нулевой массой. Открытие многих новых энзимов способствовало широкому употреблению суффикса -ase (энзим). Первоначально суффикс был вычленен из термина diastase энзим, который превращает углеводы в сахар.

В почвоведческой таксономии активно используется новый суффикс -sol (от латинского solum почва) для определения различных видов почв: aridisol (в американском варианте) почва пустынь, histosol влажные почвы; vertisol глиняные почвы, hioxisol тропические почвы.

Префиксальные единицы демонстрируют возросшую роль полупрефиксов. Как известно, полупрефиксы в большей степени, чем префиксы, семантически нагружены и в большей степени влияют на семантику производной единицы. Основной источник полупрефиксов -- латинский, французский и греческий языки: agro-, bio-, xeno-, micro-, euro-, tele- и т.д. Их употребление, как правило, ограничено научно-техническими сферами. Однако в связи с популяризацией и распространением технических новшеств в быту полупрефиксы входят в общее употребление. Так, в 80-е годы одним из самых продуктивных явился полупрефикс tele-, строящий преимущественно новые существительные по модели **pref + N** **N**: telebanking финансовая служба, позволяющая клиенту осуществлять банковские операции через телевизор или домашний компьютер; telemarketing практика продажи по телефону; teleshopping заказ покупки по телефону.

Некоторые полупрефиксы вычленились из фраз и сложных слов: dial-a (для обозначения службы, которую можно заказать по телефону) из dialophone, например, dial-a-bus, dial-a-meal; flexi гибкий--из торговой марки Flexi Van. Например: flexicover, flexinomics, flexiroof.

Чрезвычайно популярен в американском неформальном общении префикс mega-, выступающий как усилительная частица. В последние годы этот префикс активно используется в лексиконе подростков. Например, для выражения высшей оценки события, явления, человека употребляется слово megadual (totally awesome) нечто чрезвычайно хорошее. -Dual в данном случае употребляется в значении «в два раза лучше».

Иногда наблюдается противоположный процесс--полуаффикс служит базой для образования существительных или прилагательных. Например, существительное maxi нечто очень большое образовано от полуаффикса maxi- путем конверсии.

Суффиксальные единицы уступают префиксальным в количественном отношении, однако они более употребительны в повседневном общении и в большей степени маркированы пометой «сленг».

Так, одним из самых употребительных сленговых суффиксов является суффикс -y/-ie, зарегистрированный в словаре Барнхарта [BDNE-I] в качестве суффикса, развившего новое уничижительное (ироническое) значение, образующего существительные по модели **N + -y** **N**. Слова, образованные с его помощью,

ограничены в употреблении рамками неофициального общения, преимущественно среди молодежи.

При этом в языке продолжает жить суффикс -у в своем уменьшительно-ласкательном значении. Помимо этого достаточную словообразовательную активность проявляет омонимичный суффикс -у₂, образующий новые прилагательные. Например: trendy современный, модный; cushy приятный. Ср.: A cushy job is a nice job if you can get it (Safire, 1986, 383). Однако под влиянием нового значения суффикса -у, образующего существительные, данный омоним тоже несет иронические, а порой и сатирические коннотации.

Например: groupie поклонник поп-ансамбля или звезды, повсюду сопровождающий их; roadie член группы музыкантов, ответственный за транспортировку и установку аппаратуры; weary сентиментальный фильм; greerie ученик частной привилегированной школы (употребляется с иронией представителями среднего класса); tekku (techno-freak) человек, одержимый техническими новшествами.

В 80-е годы заметно снизил свою активность популярный в 60-е годы сленговый суффикс -nik, вычлененный из русского заимствования «спутник». (Ср.: folknik *певец народных песен*, beatnik *поклонник битовой музыки*, piесenik *певец, исполнитель песен протеста*.)

В последнее время функционирование суффикса -nik ограничено политическими сферами. Например: freeznik *человек, поддерживающий моратории (или замораживание) производства и использования ядерного оружия*.

Анализ особенностей структуры производящих основ показал, что среди них выделяются аббревиатуры, акронимы, сложные слова и даже фразы, что является новой тенденцией в аффиксальном словообразовании.

Одной из самых продуктивных суффиксальных моделей последнего десятилетия с производящими основами подобного типа является модель **Acronym + ie** □ **N**, например: yuppie (young urban professional people). Ср. появившееся чуть позже yumpie (young upwardly mobile professional people). Обе единицы появились в начале 80-х годов для обозначения молодых преуспевающих амбициозных городских жителей, занятых в сферах рекламы и торговли. Ср.:

A generation focused on careers, condos and the latest cuisines. *Yuppies* are providing they can have it all; they've reclaimed the old neighbourhoods, climbed the corporate ladders and built perfect bodies.

По аналогии с yuppies в языке последних десятилетий появляются слова muppie (middleaged urban professional people); gruppie (grown-up urban professional people); ruppie (young urban Republican) (слово появилось во время президентской кампании 1984 г.); guppie green + yuppie (ecologically-minded yuppie); rumpie (rural upwardly mobile people). В отдельных публикациях можно встретить новообразование bluppie (black urban professional people).

Все единицы, образованные по данной модели, как показали тесты с носителями языка, несут иронические коннотации, которые усиливаются за счет суффикса -ie, их употребление в определенной степени ограничено представителями среднего класса.

Особого внимания заслуживают полупрефиксы.

В отличие от полупрефиксов полусуффиксы чаще принимают участие в образовании единиц, употребляемых в повседневном общении.

В 60-е годы наиболее продуктивными полусуффиксами были:

-agrama, вычлененный из panorama (например: cinerama, sleeparama);

-wise (advertisingwise, careerwise, smartwise).

В 70-е годы наибольшую словообразовательную активность проявлял полуаффикс -oriented (money-oriented, action-oriented, change-oriented, golf-oriented, job-oriented, leisure-oriented), -watcher (weight-watcher, word-watcher). В настоящее время одними из самых продуктивных являются полуаффиксы: -intensive, -wide, -friendly, -nomics, -speak. Так, -friendly (helpful to, inclined to favour, assist, or protect; in sympathy with) пришел из компьютерной сферы. Первоначально пользователи компьютерами проявляли страх по отношению к незнакомой технической новинке. В связи с этим появилось слово user-friendly, которое в дальнейшем вышло за рамки ограниченной сферы и стало употребляться по отношению к любому предмету--от книги до кухонной утвари в расширенном значении accessible или easily understood. Вторая часть слова вычленилась и превратилась в суффиксальный элемент, строящий единицы, употребляемые в самых разнообразных сферах жизни по транспонирующей модели: **N+ c.f.** □ **A**.

Например: audience-friendly, customer-friendly, environment-friendly, farmer-friendly, girl-friendly, labour-

friendly, nature-friendly, newspaper-friendly, eater-friendly. Ср.:

When the newspaper made a reference to a new line of chocolate candy made in the shape of computer disks--by a company called Sweetwear, Inc.--it headlined the item " *Eater-friendly*".

Или: Mr Lolhar Spath likes to stress the *environment-friendly* character of the high technology firms he is encouraging.

Особого внимания заслуживают также полуаффиксы -intensive и -wide. По мнению У. Сэфайэра, эти две формы наиболее употребительны в современном английском языке (преимущественно ограничены американским вариантом):

A very common thing is to add -wide at the end of things to mean a totality. Such as corporate-wide, industry-wide. This can also be done without a hyphen, as in person nelwide.

Новообразования с -intensive строятся по аналогичной модели **N + c.f.** □ **A**: profit-intensive, energy-intensive, labor-intensive, technology-intensive, neologism-intensive.

Особого внимания заслуживают полусуффиксы, вычлененные из неологизмов. Так, например, -aholic/holic или -oholic были вычленены из слова workaholic (work + alcoholic) человек, одержимый работой. Общее значение этих аффиксов--одержимость чем-либо (chocoholic, bookoholic, cheesoaholic, coffeholic, computerholic). Полуаффикс -gate был вычленен из Watergate (для обозначения скандала, связанного с коррупцией и укрывательством фактов). Иными словами, происходит морфологизация свободных форм.

Еще одной особенностью является большая степень расчлененности новых аффиксальных единиц, являющихся результатом стяжения словосочетаний, в которых предикативная связь легко эксплицируется трансформацией предикативации: no-goodnik □ a person who is good for nothing; good-willnik □ a person who doesn't wish you good. Ср.: do-it-yourselfer □ a person who does everything himself at home; ср. также: do-nothinger; tight-to-lifer. Очевидно, в данном случае действует тенденция к выражению любой мысли, сколь бы сложной она ни была, в пределах одного слова, которое, по мнению носителей языка (информантов), обладает гораздо большими содержательными и экспрессивными возможностями, чем словосочетание. «В основе создания многих производных и сложных слов английского языка лежит бессознательная убежденность в том, что сказанное многими или несколькими словами никогда не бывает столь же ярко, убедительно, «емко», никогда не передает так полно и глубоко всю мысль, как сказанное одним словом» [Ахманова, Краснова, 1974, 32].

Как и все другие элементы языка, аффиксы подвержены изменениям и расширению значений.

Изменениям подверглись словообразовательные элементы anti-, super-, counter-. К исходному значению anti- «противодействие» прибавилось новое--«относящийся к гипотетическому миру», «состоящий из антивещества»: anti-man, anti-world, anti-nucleus.

В дальнейшем произошло сужение исходного значения--добавился компонент, относящийся к литературе, искусству: anti-hero, anti-novel (тип экспериментального романа, появившегося во Франции в 60-х годах), anti-art.

Изменению подвергся и традиционный суффикс -ism. У суффикса появился новый оттенок значения -- «приверженность к чему-либо»: hippyism приверженность к культуре хиппи, afroism приверженность к культуре Африки. Еще одно новое значение--«дискриминация», которое суффикс приобрел в словах sexism дискриминация женщин, ageism дискриминация людей пожилого возраста, heightism дискриминация людей высокого роста, specism дискриминация отдельных видов; истоки этого значения восходят к словам racism, fascism.

Изменения в значениях аффиксов идут по линиям расширения и сужения (сужение превалирует).

Таким образом, современное состояние аффиксальной системы характеризуется появлением совершенно новых аффиксов и полуаффиксов, новых значений аффиксов и вариантов (оттенков) значений, новых моделей и ограничений на их употребление. В целом для деривации на новейшем этапе развития языка характерно наращивание семантического потенциала при большом семантическом и структурном разнообразии производящих основ. Отмечается прагматическая дифференциация аффиксов по различным сферам употребления.

Словосложение

В последние десятилетия в английском языке возрастает роль словосложения. Причем, если в 60--70-х годах словосложение уступало аффиксации, в 80-х оно превзошло аффиксацию и составило 29,5% от всего корпуса

неологизмов.

Наши процентные данные, которые мы получили в результате сравнения нескольких словарей новых слов совпадают с данными Кэннона [Cannon. 1986, 236].

Среди сложных неологизмов в целом преобладают двухкомпонентные единицы. Основными моделями продолжают оставаться модели $N + N \square N$; $A + N \square N$.

Среди новых сложных единиц--существительных--преобладают эндоцентрические: *glue-sniffing* *вдыхание клея с целью ощущения наркотического эффекта*, *think-tank* *коллективный мозг*.

Экзоцентрические существительные менее характерны: *low-rise* *низкое здание*, *high-rise* *многоэтажный дом*.

Усиливается тенденция к образованию имен с первым компонентом--именем собственным: *Kirlian photograph* *фотография Кирлиана-- фотография биополя человека*; увеличивается число новообразований с первым компонентом -- названием местности:

Asarico gold эвфемистическое название наркотика марихуана, *Afro-rock* (вид африканского рока).

Увеличивается количество сложных единиц с соединительным компонентом -o-: *bacteriophobia* *боязнь бактерий*; *suggestopedia* *суггестопедия*.

Возрастает количество сложнопроизводных единиц. Основным продуктивным суффиксом является суффикс -er (сменивший -ed): *baby-boomer* *ребенок, родившийся во время послевоенного демографического взрыва* (в настоящее время поколение *baby-boomers* выросло в *yuppies* и *yumpies*, пройдя в 70-е годы через период *me-generation* (*me decade*) *десятилетие, характеризующееся поисками самовыражения и личного успеха*); *page-turner* *чрезвычайно интересная книга*; *all-nighter* *нечто, длящееся всю ночь, например, занятия во время сессии*.

Среди сложных единиц значительную долю составляют слова, образованные при помощи частиц и наречий, особенно это характерно для прилагательных и глаголов. Так, повышенной продуктивностью отличается модель:

Part II + Adv \square A:

laid-back *расслабленный, релаксирующий*,
buttoned-down *консервативный, традиционный*,
spaced-out *находящийся под влиянием наркотиков*,
turned-on *взволнованный*,
switched-off *отключенный, ничего не чувствующий*,
burned-out, *dragged-out* *усталый, выжатый*,
tapped-out *безденежный*.

Употребление данной модели, как правило, ограничено ситуацией неформального общения. Как известно, наличие в сложных словах причастных и герундиальных форм является эхом древнеанглийского периода. При всей активности данной модели она не является новой.

Многочисленны примеры глаголов с послелогом. Среди них выделяется группа образований с частицей -in, передающих значение совместного действия с целью протеста: *to work-in*, *to lie-in*, *to die-in*, *to sleep-in*. Однако данная модель, столь популярная в 60-е годы в связи со студенческими волнениями 1968 г. в Европе и в США, а также в связи с борьбой против расовой сегрегации, заметно снизила свою продуктивность в 70-е годы (ср.: *to love-in*, *to pray-in*). Как показал опрос информантов в возрастной группе от 17 до 25 лет, проведенный в США в 1988 г., данные слова представляются им устаревшими. Единственным новым словом, созданным по этой модели во второй половине 80-х годов, является *write-in* (*a method of organized lobbying or propagandizing by flooding the target with letters on a certain subject*). Однако данное слово ограничено в употреблении британским вариантом. В США *write-in* означает *a vote cast by writing in the name of a candidate*.

Модель образования глаголов с послелогом прагматически ограничена рамками ситуаций неформального общения, например: *to bliss out* *испытывать блаженное состояние*, слово локально маркировано американским вариантом и ограничено возрастным параметром (употребляется среди молодежи). Ср.: *to belly-up* *упасть; умереть*; *to pig-out* *грубо поглощать пищу*; *to fall about* *безудержно смеяться* (данная единица ограничена также по линии стратификационной вариативности территориальным параметром -- употребляется исключительно в британском варианте; в американском варианте ей соответствует *horse around*). Сложные единицы в большей степени, чем другие виды новообразований, снабжены пометами «сленг», при этом среди сленговых сложных слов преобладают глаголы с послелогом.

Так же как и для аффиксальных новообразований, для сложных неологизмов характерно усиление тенденции к многокомпонентным комбинациям. Более 500 единиц (12% всех сложных слов) состоят из трех

компонентов: point-in-time конкретное время. Ср. стяжение middle-of-the-road, характерное для поп-музыки, которая привлекает широкую аудиторию. Данная единица развила еще одно значение -- «умеренный» (в политике).

Одной из самых употребительных многокомпонентных моделей стала в последнее время модель со словом line, которая находится на грани сложных слов и словосочетаний:

straight-line responsibility прямая ответственность;
dotted-line responsibility ответственность, поделенная на двоих;
bottom-line окончательный (ср. bottom-line judgement);
top-of-the-line самый лучший (ограничено американским вариантом, в британском варианте употребляется top-of-the-market).

Данная модель ограничена в употреблении ситуациями неформального общения представителями деловых кругов. Подобное прагматическое ограничение характерно для таких многокомпонентных слов, как ball-park figure *приблизительные данные* и близкого к нему back-of-the-envelope *легко и быстро определяемый, не требующий длительных подсчетов*. При кажущейся близости значений двух последних единиц разница между ними вполне ощутима:

A ball-park figure is a rough estimate, explains lexicographer Sol Steinmetz, while a back-of-the-envelope sum is one simply or easily arrived at without the need of a pocket calculator.

Таким образом, две и более единицы, различающиеся в семантическом плане, могут проявлять общность на прагматическом уровне. При этом прагматическая общность наблюдается лишь по одному из параметров (по профессиональному), два слова различаются в прагматическом плане своей локальной маркированностью (ball-park figure ограничено в употреблении американским вариантом).

В целом, многокомпонентные единицы, употребляемые в неформальном общении, более характерны для американского варианта, например:

to nickel-and-dime уделять большое внимание мелочам,
meat-and-potatoes основной,
nuts-and-bolts базисный,
quick-and-dirty бар, кафе, где можно быстро перекусить.

Помимо традиционных моделей, выделяются новые, самыми продуктивными среди которых являются:

а) **Abbr + N** □ **N**:

Abbr-аббревиатура. Данная модель является относительно новой. Напомним в этой связи известное V-day.

V-chromosome *лишняя (дополнительная) хромосома*, ACD-solution (acid citrate dextrose) *раствор, проставляющий коагуляцию крови*. Действие данной модели ограничено научно-технической сферой. Ср. вариант модели:

Abbr + Acronym □ **N**:

ara A (arabinos + Adenine) (название лекарства). Иногда в состав модели входят различного рода символы. Например, T-mycoplasma *микрорганализм в форме буквы T* (по аналогии с T-shirt футболка в форме буквы T).

б) **N + Numeral** □ **N**:

Day-1 *начало, первый день чего-либо* (ограничено неформальным общением);
Red No 2 *искусственное красящее вещество, добавляемое в продукты, лекарства и косметику, запрещенное в США в 1976 г. как канцерогенное*;
Red No 40 *искусственное красящее вещество, используемое вместо Red No 2*;
Type A 1 *поведение, характеризующееся напряженностью, нетерпением, конкуренцией, стремлением добиться успеха, что в конечном счете приводит к сердечным заболеваниям*.

Самым широко употребительным новообразованием по данной модели является catch-22 *трудновыполнимое условие или требование, содержащее внутреннее противоречие*, появившееся в языке после выхода известного сатирического романа Дж. Хеллера "Catch-22" «Поправка-22». Ср.:

It's a catch-22; I need experience to get a job, and I need a job to get experience.

Употребление данного слова ограничено рамками неформального общения.

Менее продуктивными, но достаточно активными оказались следующие новые модели:

Particle + N □ A:

off-air *передаваемый по кабельному каналу телевидения*. Иногда модель осложняется введением артикля: off-the-wall *необычный, нетрадиционный* (ограничено в употреблении американским вариантом, ситуациями неформального общения).

N + Particle □ A:

hands-on *практический*. Встречаются и более сложные модели, например:

N + Prepositional Phrase + N □ N:

right-to-work law, surface-to-air-missile.

Конвертированные неологизмы

Конверсия как способ создания новых слов путем деривации значительно снизила свою активность и уступает всем другим видам словообразования. Конвертированные единицы, как показали результаты наших исследований, составляют всего 3% от общего количества неологизмов.

Основной моделью продолжает оставаться N □ V, по которой образуется большое количество новых терминов: to back-stroke, to lesion, to polygraph и т.д. Ср. с общеупотребительными словами: to leaflet выпускать листовки, to butterfly гулять без цели по городу. Значительное количество глаголов образуется от сложных существительных:

to soft-dock от soft-dock стыковка орбитальной станции без посредства механических приемов;
to carpool от carpool управление машиной по очереди по пути на работу, в магазины и т.д.;
to red-line от red-line дискриминация отдельных районов города путем отказа владельцам собственности в займах, страховке.

Как и на предыдущих этапах развития языка, образование существительных от глаголов в настоящее время менее продуктивно. Как известно, это связано с тем, что в английском языке существительные легко образуются от глаголов путем аффиксации.

Среди конвертированных существительных усиливается тенденция к образованию от глаголов с послелогами: tip-off воровство (от to tip-off воровать), workaround (термин космонавтики) альтернативный метод в случае неудачного полета; give-back, flowback, passalong, buy-off. Значительное количество новых существительных образуется путем конверсии от прилагательных, например: collectibles предметы, подлежащие коллекционированию, особенно устаревшие или редкие; cool самоконтроль, сдержанность часто употребляется во фразах to lose one's cool, to keep one's cool.

Особенно продуктивно образование существительных от прилагательных, оканчивающихся на -ic, например: acrylic, transuranic, tricyclic. Данная модель широко используется в медицине: autistic, astigmatic, geriatric, prepsychotic. Все эти единицы образованы по аналогии с такими известными, как alcoholic, fanatic, critic.

Так же как для аффиксальных и сложных неологизмов, для новых конвертированных образований характерна тенденция к многокомпонентным структурам. Так, существительные могут образовываться от глагольных фраз, например: work-to-rule выступление рабочих с требованиями соблюдать все пункты трудового договора.

Аналогичная тенденция к многокомпонентное наблюдается среди новых конвертированных прилагательных: cents-off сниженный (о цене) (ограничено в употреблении американским вариантом).

В словаре Барнхарта зарегистрированы уникальные модели прилагательных, образованных от префиксов и полупрефиксов. Например: hurer взволнованный, эмоциональный; maxi нечто большого размера.

Уникальным является конвертированный глагол R.S.V.P. отвечать на приглашение, образованный от сокращения R.S.V.P. (начальные буквы французской фразы Repondez, s'il vous plait. Ответьте, пожалуйста.), употребляемого в конце письма-приглашения.

Усиливается тенденция к образованию конвертированных единиц от усечений: to frag убивать способом

расчленения; to psych; во фразе to psych out этот глагол имеет значение «подавлять психологически», во фразе to psych up -- «стимулировать, волновать».

Как известно, конвертированные единицы представляют собой особый тип дериватов, так как их производность носит внутренний (семантический) характер. Исходя из тесной связи между семантикой и прагматикой, представляется необходимым предварить прагматический анализ анализом тех семантических процессов, которые сопровождают образование по конверсии.

Общая схема семантических изменений при образовании глаголов от неодушевленных существительных может быть представлена как: приглушение семы «предметность» и добавление семы «действовать посредством предмета», которая становится стержнем нового значения. Например: to cassette ставить кассету в магнитофон. При образовании глаголов от одушевленных существительных происходит приглушение семы «лицо» и добавление семы «действовать подобно лицу». Например: to butterfly летать по городу без цели подобно бабочке.

При образовании существительных от прилагательных на семном уровне происходит приглушение семы «качество» и добавление семы «предмет», которая становится центром значения субстантивированной единицы. Ср.: acrylic акрил (синтетический материал).

Таким образом, при конверсии происходит обогащение содержания понятия (добавляются новые семы).

Основная масса конвертированных неологизмов ограничена в употреблении по профессиональному параметру. В результате анализа выделились следующие сферы профессиональной дифференциации конвертированных неологизмов: спорт, медицина, компьютерная техника, образование, политика. Например: слово compulsory обязательная программа ограничено в употреблении спортивной сферой; to acupuncture лечить иглоукалыванием--профессией медика; to access извлекать данные из запоминающего устройства компьютера ограничено сферой микроэлектроники; pass-fail система оценки знаний студентов без дифференцированных оценок употребляется в сфере образования; слова military военные и to summit принимать участие во встрече на высшем уровне ограничены сферой политики.

По территориальному параметру новые конвертированные единицы ограничены преимущественно американским вариантом и в меньшей степени британским вариантом английского языка.

Сокращения

Среди нерегулярных способов образования морфологических неологизмов наиболее продуктивными в последние десятилетия являются сокращения, которые отражают тенденцию к рационализации языка, к экономии языковых усилий [Мартине, 1960]. Несмотря на то, что сокращения составляют лишь незначительный процент от общего количества неологизмов, их число растет. Так, если в 60-е годы сокращения составляли 9% от общего количества неологизмов, в 70--80-е процент увеличился до 14%. Из четырех видов сокращений (аббревиатуры, акронимы, усечения, слияния) преобладают усеченные слова. Так же как и на предыдущих этапах развития языка, основным типом усечений являются апокопы (усечение финальной части). При этом усечению подвергается целая морфема: anchor < anchorman обозреватель новостей, координирующий теле- или радиопрограммы. Слово ограничено в употреблении американским вариантом (в британском варианте ему соответствует presenter). Ср.: detox < detoxification часть больницы или клиники, где лечат алкоголиков и наркоманов.

I went to *detox* again... and it's been five years since I came out and haven't had a drink or pill since.

Иногда усечению подвергается часть морфемы: lib < liberation.

В соответствии с традицией и нормой менее многочисленны инициальные сокращения (эфферизис): chauvinism < male chauvinism; butylinitrite < (iso)butylinitrite наркотик; urmanship < onepmanship умение добиваться превосходства над окружающими.

Примеры усечения середины слова (синкопы) немногочисленны: closed caption < closed circuit caption титры телевизионных программ для глухих; ecotecture < ecological architecture архитектурный дизайн, подчиняющий задачи сегодняшнего дня задачам охраны окружающей среды; ultrafiche < ultramicrofiche карточка микрофильма, содержащая несколько тысяч печатных страниц, в отличие от microfiche (1953), где помещалось около 100 страниц печатного текста.

Смешанный тип усечения непродуктивен: scrip < prescription (американский вариант), litcrit < literary criticism (британский вариант).

Особенностью усечений является их сниженная стилистическая окраска, и, соответственно, их употребление ограничено рамками разговорной речи. Усечение наиболее характерно для различных типов сленга (школьного, спортивного, газетного). Среди приведенных выше примеров преобладают газетные усечения.

Так, *upmanship* часто появляется на страницах английских газет и используется в рекламах, в рекомендациях как достичь успеха. Например:

Upmanship is the art of being one up on all the others.
Hospital upmanship: My Doc is better'n yours.

Среди сокращений большое место занимают аббревиатуры и акронимы. Чаще всего аббревиации подвергаются технические термины, названия групп и организаций. Обычно аббревиатуры употребляются чаще, чем сами термины: VCR (video-cassette recorder), TM (transcendental meditation), PC (personal computer), MTV (Music Television канал кабельного телевидения, передающий рок-музыку). Как правило, аббревиатуры произносятся по буквам: I.V. (intravenous) внутривенно. Когда аббревиация встречается только на письме (b.y. < billion years, mg < milligram), она читается как полное слово [BDNE-I, I]. Новым является отсутствие точек после каждой буквы аббревиатур, что приближает их к акронимам.

В отличие от аббревиатур, акронимы произносятся как полные слова. Например:

SALT (Strategic Arms Limitation Talks) переговоры по ограничению стратегического оружия;
MIPS (million instructions per second) миллион инструкций в секунду (компьютерный термин);
CAD/CAM (computer-aided design/computer-aided manufacturing).

Часто они приобретают грамматические характеристики стандартных слов, например, множественное число: WASPs (White Anglo-Saxon Protestants).

Среди акронимов последних десятилетий наблюдается явление омонимии. Один из самых популярных акронимов GASP употребляется в речи нескольких групп, борющихся против загрязнения окружающей среды: Group Against Smoke and Pollution, Greater Washington Alliance to stop Pollution.

Сферы употребления акронимов, как правило, четко ограничены. Ограничения на употребление акронимов предписаны денотативным значением слов, входящих в них. Так, единицы типа MIPS, RAM (random-access memory), ROM (read-only memory) ограничены в употреблении рамками компьютерной техники; PINS (persons in need of supervision), SWAT (special weapons and tactics) употребляются в юриспруденции; DOMSAT (domestic satellite), GUIDO (guidance officer)-в аэрокосмонавтике; MEDLARS (Medical Literature Analysis and Retrieval System)-в медицине. Особого внимания заслуживают акронимы, употребляемые в сфере образования: TEFL (Teaching English as a Foreign Language), всем известна Международная организация преподавателей английского языка как иностранного IATEFL (International Association of Teachers of English as a Foreign Language) и американская организация TESOL (Teachers of English to Speakers of Other Languages); в сфере охраны окружающей среды: UNEP (United Nations Environmental Program), ADAPTS (Air Deliverable Antipollution Transfer System).

Иногда акронимы создаются из стремления к оригинальности, например, организация, борющаяся с курением, создала акроним ASH пепел (Action on Smoking and Health). Ср.: NOW (National Organisation for Women).

В связи с широким распространением акронимов лингвисты заговорили о необходимости приостановить этот процесс, который они характеризуют как акрониманию [BDNE-I, I]. В связи с этим возникла необходимость упорядочить список акронимов и процесс их создания.

Одним из проявлений закона экономии речевых средств, «принципа наименьшего усилия», можно считать образование телескопных номинаций, слов-слитков, слов-портмоне.

Среди неологизмов последних десятилетий намечается тенденция к увеличению единиц этого типа. По данным, полученным нами в результате анализа первого словаря Барнхарта, они составили 4,8% от общего числа неологизмов. Во втором словаре Барнхарта их число составило уже 8% от всей массы неологизмов. Среди них преобладают частичные слова-слитки, т.е. единицы, в которых соединяется один усеченный элемент и полная форма другого элемента. Наиболее продуктивен тип финального усечения первого компонента: Europlug (European plug) электровилка, применяемая во всех странах Европы; sigarettette (sigarette, etiquette). Менее типично инициальное усечение второго элемента: airtel (air, hotel), workaholic (work, alcoholic):

The *workaholic* drops out of the human community, Oates says, he eats, drinks and sleeps his job...
How does a *workaholic* know that he is one? Sometimes he finds out only when he suffers a heart attack -- or when as in Oates' case, his five-year-old son asks for an appointment to see him.

Последняя единица приобрела такую популярность, что элемент holic/aholic вычленился и, приобретя статус полуаффикса, принял участие в создании целого ряда новообразований (см. раздел «Аффиксация»).

Единичны примеры финального усечения второго компонента: kidvid (kid, video) детские телевизионные

программы.

В последнее десятилетие сократилось образование полных телескопных слов, в которых усечению подвергаются оба элемента. Среди них преобладают единицы с финальным усечением первого компонента и инициальным усечением второго: *disohol* (diesel, alcohol) смесь дизельного топлива и этилового спирта, *drizzerable* (drizzling, miserable).

Единицы с финальным усечением обоих компонентов менее многочисленны: *zedonk* (zebra, donkey), *sitcom* (situation, comedy) радио- и телекомедия, основанная на выдуманных ситуациях, построенных вокруг одного или нескольких героев. Ср.: *yur-com* телекомедия о яппи.

Среди телескопных образований наблюдается тенденция к созданию единиц с соединительным -o-: *stimoceiver* (stimulate, -o-, receiver).

Усиливается тенденция к образованию гаплогогических телескопных неологизмов (термин заимствован у Т.Р. Тимошенко [1976]), в которых происходит наложение фонем на стыке двух слов: *slimnastics* (slim, gymnastics); *faction* (fact, fiction) художественная литература, в основе которой лежат документальные факты.

Телескопные номинации часто создаются для обозначения нового гибрида: *yakow* (yak, cow), *beefalo* (beef, buffalo), *citringe* (citron, orange).

Телескопные номинации, так же как и сложные слова, отражают тенденцию к универбализации и рационализации языка, демонстрируют различную степень расчлененности и мотивированности. При этом степень их расчлененности и мотивированности ниже, чем у сложных слов, что объясняется наличием скрытых отсеченных компонентов.

Основная масса слов-слитков используется в средствах массовой информации и в рекламе. В силу свежести и неожиданности формы, они привлекают внимание и оказывают определенный прагматический эффект на читающего. Ср.:

... every single girl, every single day, has one hour of tennis, one hour in the pool, one hour of *slimnastics*.

Слова-стяжения, слова-слитки играют важную роль в современной разговорной и газетно-публицистической речи, т.е. в тех стилях речевого общения, где стремление к оперативности изложения особенно ощутимо [Волков, Сенько, 1983,50].

Работники телевидения активно используют: *informercial* 15-минутная программа, передающаяся по кабельному телевидению, соединяющая рекламу с информацией; *Mortainment* музыкально-информационная программа. Такие слова, как *dancercise* (dance, exercise) и *jazzercise* (jazz, exercise), употребляются в молодежной среде.

Употребление телескопных новообразований ограничено также рамками названий торговых марок в спорте, моде. Так, известная всем торговая марка Adidas является результатом стяжения имени Adi Dassler, основателя компании по производству спортивной одежды и обуви.

Выводы

В целом морфологические неологизмы отличаются от фонологических и заимствований как холистических знаков более высокой степенью расчлененности и мотивированности, а также наличием в большинстве из них имплицитной предикативной связи (внутренней предикации).

Можно сказать, что в английском языке намечается тенденция к увеличению композиционных семантических структур. Ибо 40% всех новообразований последних 25 лет составили расчлененные номинативные единицы (производные и сложные).

С другой стороны, рост многокомпонентных, расчлененных единиц, как ни парадоксально, отвечает тенденции к рационализации и экономии, ибо новые многокомпонентные единицы являются результатом стяжения словосочетаний, единиц, характеризующихся большей степенью расчлененности. В данном случае имеет место процесс универбации, активность которого отмечалась неоднократно.

В структурном отношении современные морфологические неологизмы повторяют некоторые модели, издавна продуктивные в английском языке. Однако происходит накопление новообразований на базе более новых моделей.

§ 4. Картина мира и ее лексическая фиксация

Одной из проблем функциональной лексикологии (в частности неологии) в гносеологическом аспекте является вопрос о том, какие фрагменты общественного опыта носителей языка требуют лексической фиксации. Какова роль прагматических факторов в этом процессе?

Мир не отражается непосредственно в языке, мир отражается в сознании, а сознание закрепляет, фиксирует, кодирует это отражение в конвенциональных знаках [Мыркин, 1986, 55]. Иными словами, между вещью и именем стоит отраженный в голове человека образ вещи, представление о ней, некий концепт, т.е. некое усредненное представление о предмете. Ученые говорят о существовании научной картины мира.

«Научная картина мира есть наглядный, характерный для определенной исторической эпохи интегральный образ мира, служащий важным средством синтеза конкретных знаний о мире» [Генезис, 1985, 6].

Иной характер носит языковая карта мира, на которой образ мира фиксируется при помощи языковых средств.

«Картина мира - то, каким себе рисует мир человек в своем воображении-феномен более сложный, чем языковая картина мира, т.е. та часть концептуального мира человека, которая имеет привязку к языку и преломление через языковые формы. Не все воспринятое и познанное человеком, не все прошедшее и проходящее через разные органы чувств и поступающее извне по разным каналам в голову человека, имеет или приобретает вербальную форму» [Кубрякова, 1988, 142].

Преобразование картины мира может иметь разные формы фиксации на лингвистической карте. Например, на ней могут появиться новые «государства»

Ср.: «Языковая карта мира может быть уподоблена такой географической карте, на которую нанесены государства и города, населенные пункты и области, целые районы: это карта мира, уже освоенного человеком, и сообразованная с теми преобразованиями, которые внес человек в природу во время своей деятельности» [Кубрякова, 1988, 171].

. Так, новый сектор в картине мира--компьютерная техника--фиксируется на языковой карте в виде отдельного нового семантического поля компьютерных терминов: CNC (computer numerical control) контроль за подсчетом продукции при помощи компьютера; computer monitoring компьютерная система, контролирующая работу служащих, работающих у терминалов в различных организациях; electronic mail письмо, набранное на компьютере и передаваемое на принимающий компьютер по телефону; spread sheet компьютерная программа.

Прагматическая потребность дать новые названия различным видам деятельности посредством компьютеров вызвала в языке 80-х годов своего рода словообразовательный взрыв с полуаффиксом tele-: telepost место в доме, где находится компьютер. Ср. приводимые ранее примеры: telecommute, telecommuter, telecommuting (telework), telebanking и т.д. Ср.:

The office tower-blocks of the city centres will be deserted as the workers telecommute out in the suburbs.

Внутри нового семантического поля слова вступают в системные отношения, прежде всего, в отношении синонимии. Так, помимо упомянутых выше синонимов telework и telecommute, появились такие, как viewdata, teletext компьютерная система, обеспечивающая подачу информации на телеэкраны индивидуальных компьютеров.

Профессиональная дифференциация языка, являющаяся одним из чрезвычайно важных прагматических факторов, действующих в активных номинативных процессах, привела к созданию своеобразно жаргона работников компьютерной сферы. Так, новые единицы, подобные brain-box компьютер, glitch неожиданное нарушение в программе, ограничены в употреблении рамками неформального общения между «компьютерщиками».

Вычленился еще один относительно новый сектор в картине мира--космонавтика. Английская языковая система своеобразно отреагировала на вычленение нового фрагмента деятельностного опыта. Она заимствовала новые лексические единицы из русского языка (lunokhod, planetokhod, sputnik) и тем самым заполнила лакуны, образовавшиеся на английской лексической карте. Чуть позже появились и свои собственные термины космонавтики: spacelab, space-plane, spacefaring (по аналогии с seafaring).

В последнее десятилетие появляются сленговые единицы, ограниченные кругом космических исследований США: chicken-soup раствор аминокислот, витаминов и пр., используемый в экспериментах с целью выявления метаболической деятельности на Марсе. При образовании космического сленга, помимо профессионального параметра, принимает участие территориальный фактор, также конституирующий прагматику слова. Все единицы подобного рода ограничены в употреблении американским вариантом.

Относительно новым фрагментом отрицательного социального опыта можно считать наркоманию, которая вызвала к жизни номинативный взрыв на периферии лексической системы.

Известно, что лексика языка имеет двойственную природу: ядро и периферию. Лексическое ядро языка передается личности в первую очередь. В его состав входят основные значения (нетерминологических) существительных, глаголов и других частей речи. Лексическая периферия, зависящая от ядра, дает полную языковую картину культуры [Денисов, 1986, 85].

Несмотря на то, что новые номинативные единицы сферы наркомании ограничены в употреблении субкультурой наркоманов и торговцев наркотиками, они становятся общеизвестными в связи с широким освещением борьбы с наркоманией средствами массовой информации. В связи с нелегальностью торговли наркотиками лица, связанные с этой сферой деятельности, вынуждены создавать новые слова, руководствуясь прагматической установкой--засекретить свое дело [Степанов, 1984, 126].

За последние два с половиной десятилетия в английском языке появилось около 50 слов, связанных с наркоманией, которые образуют новые синонимические ряды и антонимические пары. Так, для эвфемистического обозначения одной только марихуаны употребляются следующие нейтральные по своей исходной семантике слова: grass, pot, hash, herb, smoke, Acapulco gold, stuff. Для номинации наркоманов появился следующий синонимический ряд: head, smack-head, pill-head, freak, grass-hopper. Для описания действий, связанных с употреблением наркотиков, используются глаголы to blow, to blowsmoke вдыхать наркотики, to hit, to shoot делать инъекцию наркотиков. Для описания результата приема наркотиков употребляются синонимы dirty, spaced, zonked находящийся под влиянием наркотиков. Антоним clean употребляется для обозначения человека, не употребляющего наркотики, не находящегося под воздействием наркотических веществ.

Показательна дальнейшая словообразовательная активность единиц, номинирующих наркотики, ведущая к формированию новых словообразовательных гнезд. Так, слово acid в значении «галлюциногенный препарат ЛСД» образует словообразовательное гнездо, в состав которого входят acidhead, acid-freak наркоман, употребляющий ЛСД, acid trip галлюцинации, возникающие в результате приема ЛСД, acid rock тип рок 'н' ролла, вызывающего представления о психоделическом переживании.

Помимо вычленения новых секторов, в картине мира происходит расширение уже существующих. Соответственно, на лексической карте внутри уже существующих «государств» появляются новые «географические пункты».

Процесс экспериментирования, охвативший западное искусство в 60-е годы, вызвал появление новых видов и направлений, которые на лингвистической карте кодируются в виде новых терминов, образующих новые синонимические ряды. Например: minimal art, minimalism, rejected art, reductivism, ABC art искусство, упрощающее и разлагающее на элементарные составные части цвет и форму; soft ait искусство, использующее мягкие материалы; kinetic art искусство, использующее движущиеся предметы; luminal art искусство, использующее световые эффекты; op-art (optical art) искусство, использующее оптические эффекты; pop art популярное искусство.

В 70-е годы произошло дальнейшее расширение данного сектора. В связи с появлением нового направления в художественном творчестве, которое делает акцент на процессах, происходящих в сознании и подсознании художника во время создания произведения искусства, появилось несколько синонимических терминов, отражающих это направление: conceptual art, process art, antifonn art, impossible art. В 80-е годы появилось слово computer art искусство, использующее компьютеры.

Расширяется сектор болезней; появляются новые виды нервных заболеваний, например: Lou Gehrig disease болезнь Луи Герига (заболевание центральной нервной системы, сопровождающееся дегенерацией мышц) (от имени баскетболиста Луи Герига, скончавшегося от этой болезни).

Различные виды страха и болезненных опасений фиксируются в языке путем активизации слов греческого происхождения phobia боязнь и phobe человек, испытывающий страх в качестве вторых компонентов сложных слов. Эти слова подверглись морфемизации и приобрели статус полуаффикса. Например: acrophobia боязнь вы-сооты--асторфобе человек, испытывающий этот страх, Americanophobe человек, испытывающий страх по отношению к США, technophobe человек, который боится технических нововведений. Agoraphobia-- этот термин, определяемый в словарях как ненормальная боязнь открытых пространств, в последние годы расширил свое значение и номинирует психическое расстройство, которое включает комплекс различных фобий, общим компонентом которых является паника в связи с нахождением в незнакомой обстановке: боязнь открытых пространств, озер и океанов, мостов и туннелей, боязнь толпы, магазинов и театров и т.д.

Соответственно, появляются новые виды лекарств, диагностик, лечений. Например, для лечения агорафобии применяется новый метод под названием implosion или flooding, который предполагает избавление от страха путем прямой конфронтации с источником фобии.

Расширяется сектор социальных явлений. Так, движение женщин за свои права фиксируется в языке рядом новых лексических единиц. Например: lib освобождение от дискриминации; libber, lib-bie участник движения женщин за свои права. Последнее слово территориально маркировано и употребляется преимущественно в США.

Это движение вызвало не только появление новых единиц в определенном секторе лексической карты, но и модификации в других секторах. В 70-е годы под влиянием феминистского движения английский язык был объявлен сексистским языком, т.е. языком, дискриминирующим женский пол, так как в нем содержится больше форм мужского рода, чем женского, что во многом объясняется широким использованием слова man в качестве второго компонента в названиях профессий.

Как известно, в древнеанглийском языке слово man, так же как и в современном, имело два значения («человек» и «мужчина»). В древнеанглийский период это не вызывало неудобств, так как наряду с этим словом существовало еще несколько слов, различающихся по отношению к полу: wcr (waerman) взрослый человек мужского пола и wif (wifman) взрослый представитель женского пола. Со временем wif и wifman преобразовались в wife и woman, в то время как wcr и waerman исчезли из языка к среднеанглийскому периоду. В результате звуковая форма man фиксирует в языке два концепта, Двойное значение слова man первоначально было характерно и для других германских языков, но постепенно для передачи значения «человеческое существо» в этих языках были образованы производные единицы, такие, как Mensch в немецком и голландском, maniska в шведском, menneske в датском. В английском же этого не произошло. В результате феминистского движения и для снятия трудностей перевода вместо традиционных cameraman, fireman, policeman, mailman в английском языке 70-х годов появляются camera operator, firefighter, law-enforcement или police-officer. С целью выравнивания соотношения между мужским и женским полом в титулах в обращениях man заменяется на person: chairperson, Congressperson, spokesperson. Businessmen часто заменяют на businesspeople. Даже в церкви mankind заменяется на people.

Наблюдается тенденция заменять слово man словом woman в контекстах, связанных с женским полом. Так, во фразе one's own man последнее слово заменяется на woman. Например:

Thank heaven I have graduated from the girl who can't say no! I'm my own woman now.

В то же время некоторые слова с «женскими» окончаниями заменяются на нейтральные. Так, вместо stewardess и housewife в языке появляются flight attendant и home-maker. Однако, как считает К. Барнхарт и другие лексикографы, вряд ли такие «мужские» и «женские» пары, как master/mistress, hero/heroine, duke/duchess, исчезнут из языка.

Основная масса слов на -person ограничена в употреблении феминистскими кругами. С позиций «вне группы» они употребляются с оттенком юмора и иронии. Ср.:

It's an engaging irony that the very word woman has a sexist bias in its etymology that would offend the more middle-headed partisans of Woman's Liberation, if they realised it... Most Feminists insist with reason that just as one doesn't need to be a man to be a person, one doesn't need to be a wife of a man to be a person. As the next step backward down the brave but delusory road towards linguistic equality, shall we rename the movement Wopersons Lib?

Предложение заменить приветствие Ladies and Gentlemen на Gentlepeople или Gentlepersons также воспринимается многими носителями языка с иронией.

Пожалуй, единственным словом, прочно вошедшим в стандартное употребление, является термин chairperson (заменивший chairman), вызвавший бурную дискуссию в 70-е годы в связи с поисками в академической среде нейтрального с точки зрения рода термина для номинации «заведующего кафедрой», «декана». В настоящее время дискуссия утихла. Если речь идет о представителе мужского пола, употребляется термин chairman, если речь идет о женщине--chairperson, менее предпочтительно chairwoman. В американском варианте независимо от пола широко употребляется редуцированная форма chair.

Проблема сексизма в названиях профессий и титулов не ограничивается суффиксом -man. Дж. Стэнли развивает теорию «негативного семантического пространства» для женщин в английском языке. Прежде всего, в английском языке меньше существительных, относящихся к женщинам, по сравнению с существительными, которые относятся к мужчинам. Когда женщина выходит за пределы традиционных ролей (матери/жены), она попадает в семантическое пространство, уже занятое мужчинами [Stanley, 1977, 67]. В таком случае, считает Стэнли, аномальная позиция женщины должна быть отмечена специальным маркером женского пола, либо 1) единицами lady, woman, female перед названием профессии, например: woman doctor, female dentist; либо 2) деривационными феминизирующими суффиксами -ette/ess; либо 3) словом woman в качестве второго компонента в сложных словах, например: congresswoman, spokeswoman. При этом следует отметить, что мужской маркер male- встречается лишь в очень ограниченном количестве слов, а именно, в названиях профессий, традиционно относящихся к женскому полу, например: male nurse, male secretary, male stripper, male exotic dancer.

Результатом борьбы с сексизмом в языке можно рассматривать появление в последние десятилетия местоимения общего рода he/she в тех случаях, когда антецедент может быть либо мужского, либо женского рода.

Многие писатели избегают употребления he в безличных предложениях типа If a person wishes to succeed, he must work hard. Обычно в данном случае употребляется he or she. Форма he/she продолжает завоевывать популярность и вытеснила другие «заменители» (например: co, hesh, tey). Употребление he/she ограничивается письменной речью. Более лаконичный вариант s/he менее распространен, хотя одобряется некоторыми феминистками.

Наконец, самым действенным результатом феминистского движения можно рассматривать введение нейтральной формы Ms вместо Mrs и Miss, подчеркивающих семейное положение женщины.

По результатам опроса информантов, в США в 1988 г. феминистское движение начинает терять свою популярность, и слова типа bra-burner (эмоциональный синоним libbie) многими были отмечены как устаревшие. Однако движение продолжает существовать, и одним из подтверждений этому является регулярный выпуск журнала Ms.

Иногда новые единицы номинации возникают для фиксации фрагмента картины мира, уже давно существующего и отраженного в сознании носителей языка, но еще не ословленного. Так, уже давно кризис моральных и этических норм западного мира вызвал к жизни различные формы брака, которые существовали, не имея определенной фиксации в языке. В 80-е годы, однако, в связи с расширением подобных форм в языке появились единицы типа contract marriage брак, заключаемый на определенный период, open marriage брак, в котором каждому супругу предоставляется социальная и сексуальная свобода, serial marriage последовательность нескольких временных браков.

Аналогичным с точки зрения ономазиологического подхода к акту номинации является словосочетание life-boat ethics (этические нормы, предписывающие в кризисной ситуации действия по принципу «спасательной шлюпки», когда в целях спасения из переполненной шлюпки бросают за борт лишних пассажиров).

Возможен еще один вариант соотношения между картиной мира как отражением реального мира и языковой картой мира как фиксацией этого отражения. Один и тот же фрагмент в картине мира фиксируется на лексической карте двумя номинативными единицами, одна из которых--неологизм. (Явление появления нового синонима, который полностью вытесняет старое слово.) Например, как утверждает американский писатель Стаде Теркель, в Америке слово slum трущобы уступило место ghetto гетто, а затем в 80-е годы появился еще один эвфемистический синоним, вытеснивший ghetto--inner city внутренняя часть города. На Британских островах, по данным ведущего английского лексикографа Р. Бёрчфиль-да, слово Mahammedan заменено на более нейтральное Muslim, Negro--на Black, Asiatic заменено на Asian, O-level--на GCSE общее свидетельство об окончании средней школы, X дети до 16 лет не допускаются заменено на PG (Parental iuidance) вход только с родителями, 15/18 (дети до 15/18 лет не допускаются).

В США exercise classes занятия физкультурой заменено на workouts; sweat suits спортивные костюмы на warm ups; luncheonette кафе на coffee shop.

Прилагательное atomic, некогда привычно употребляемое по отношению к бомбам и атомным станциям, было заменено на nuclear (как в британском, так и в американском вариантах).

Наконец, возможен такой вариант взаимодействия между объектом номинации и именем, когда различия между значениями двух разных имен, обозначающих два разных объекта, полностью исчезают. Два слова становятся абсолютными синонимами. Так, в 1986 г. в Англии официально было объявлено об отмене традиционных различий между двумя основными терминами Лондонской фондовой биржи: broker и jobber (broker маклер, совершающий сделки с джодберами, получая за это комиссионные; jobber биржевой маклер, совершающий операции за собственный счет, вступая в сделки с брокерами).

Через определенное время одно из этих слов должно уйти из языка как избыточное. Какой из двух терминов «выживет», покажет время, однако можно предположить, что это будет broker, так как это слово в большей степени закреплено в языке и образует большое словообразовательное гнездо: ship and insurance broker, cotton-broker, tea-broker, wool-broker.

Это служит наглядным подтверждением тенденции к выражению одинаковых или близких значений одной формой, а также тенденции к устранению избыточных средств выражения.

В связи с этим возникает и вопрос об архаизации. Важную роль здесь играет общественная значимость денотата, потребности коммуникации. Однако архаизация не ведет к обеднению лексического фонда, уместнее говорить об обновлении словарного состава; новых слов в языке появляется гораздо больше, чем исчезает старых.

Р. Квирк в одной из своих монографий [Quirk, 1980] пишет о необходимости определить критерии

устаревания слов; лексикографы, как правило, фиксируют рождение слов, но не их смерть. Так, например, слова *brougham*, *vesta*, *lucifer*, *Hrki*, *hogshead*, *kilderkin*, по мнению Р. Квирка, должны быть помечены в словаре как устаревшие, так как они вышли из словарного состава языка.

Особую важность в аспекте функциональной неологии представляют эфемеризмы (слова, широко употребляемые в определенные периоды общественного развития, как правило, связанные с деятельностью отдельных политических деятелей, но затем не вошедшие в общий фонд, а употребляемые только в связи с конкретными событиями). Так, в 1973 г. в американском варианте английского языка появился ряд эфемеризмов, производных от *Wa-tergatc* (скандальные события в отеле Уотергейт, связанные с секретными документами, компрометирующими деятельность президента Никсона): *post-Watergate*, *pro-Watergate*, *Watergater* приверженец тактики скандала, *Watcrgatism* политика Уотергейта и т.д.

Более поздними эфемеризмами являются *Thatcherism* политика М. Тэтчер, *Raigonomics* политика Р. Рейгана, по аналогии с *Nixonomics*; новейшие эфемеризмы--*Irangate* скандал вокруг секретных поставок оружия США Ирану, *Contragate* скандал, связанный с поставкой оружия контрреволюционерам Никарагуа.

К эфемеризмам можно отнести такие слова, как *Vietnik* и его синоним *reascenic* человек, выступающий против войны во Вьетнаме, *hippie*, *yiprie* политически активные радикальные хиппи, *flower children* молодые хиппи с цветами в волосах.

Данные слова носителями языка были определены как устаревшие. На смену им пришло новое слово *punk* панк, которое отражает новую, еще более уродливую, форму протеста молодежи. Движение панков вызвало к жизни целую серию новообразований, таких, как *skin-head*, *agro-boy* бритоголовые панки, *bower-boot*, *cherry red* высокие тяжелые ботинки, которые бритоголовые панки носят и часто используют в уличных драках. Однако движение заметно потеряло свою популярность, и, видимо, через несколько лет лексика панков тоже перейдет в разряд эфемеризмов.

Таким образом, изучение новой лексики позволяет говорить об изменении как концептуальной картины мира, так и лексической (языковой) карты мира, об изменении категоризации, о новых концептах, о новых концептуальных сферах, о тех новых фрагментах общественного опыта, которые требуют лексической фиксации, и о прагматических факторах, влияющих на создание и употребление новых единиц.

При этом между картиной мира как отражением, образом реального мира и языковой картой мира как фиксацией этого отражения существует сложная диалектическая связь.

ГЛАВА II. ПРАГМАТИКА И СЕМАНТИКА НОВОГО СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. О целях прагматического анализа слова

Исследование новой лексики в аспекте функциональной лексикологии требует обращения к теоретическим принципам лингво-прагматического описания слова. Как известно, термин «прагматика» по-разному трактуется в современном языкознании.

Подробнее об этом Языковая деятельность М 1984

Это-- наука об употреблении языка [Leech, 1985], наука о языке в контексте, или наука о контекстуальности языка как явления [Parret, 1980], исследование языка (или любой другой системы коммуникации) с точки зрения преследуемых целей, различных способов их достижения и условий, при которых эти цели достигаются [Parisi, 1981], теория интерпретации речевых актов [Searl, 1969; Grice, 1975, 1981], изучение языковых средств, служащих для обозначения различных аспектов интеракционного контекста, в котором выражается пропозиция [Motsch, 1980]. Теория, изучающая прагматические параметры литературной коммуникации [Арутюнова, 1981], а также текста в его динамике, соотнесенного с «я» творящего текст человека [Степанов, 1981,1985].

Прагматика также понимается как «значение минус условия истинности» [Gazdar, 1981]. Прагматика изучает те аспекты значения, которые не охватываются семантической теорией [Levinson, 1983]; прагматика --это теория речевого воздействия [Киселева, 1978]. Т. ван Дейк считает, что в компетенцию прагматики входит выявление систем, характеризующих языковую форму, значение и деятельность [Dijk, 1981, 27]. По мнению Т. ван Дейка, в наиболее теоретизированном и абстрагированном понимании прагматика призвана осуществлять спецификацию (теоретически допустимых) условий (теоретически допустимой) пригодности (теоретически допустимых) структур высказывания. К эмпирическим задачам теории прагматики относится разработка когнитивной модели производства, понимания, запоминания и т.д. речевых актов, а также модели коммуникативного взаимодействия и использования языка в конкретных социокультурных ситуациях [Dijk, 1981, 260]. Прагматика призвана изучить язык как орудие общественной практики человека [Сусов, 1988].

Как бы ни были разнообразны варианты определения прагматики, основным в них можно считать то, что они

исходят из схемы Ч. Морисса. Одним из свойств знака является отношение между знаком и его пользователем--человеком. Человеческий фактор признается в качестве ведущего понятия прагмалингвистики [Степанов, 1981, 1985; Арутюнова, 1981; Булыгина, 1981; Гак, 1982]. Прагматика изучает все те условия, при которых человек использует языковые знаки [Колшанский, 1984, 139]. При этом под условиями пользования понимаются условия адекватного выбора и употребления языковых единиц с целью достижения конечной цели коммуникации--воздействия на партнера.

Важным является то, что прагматика заложила фундамент новой лингвистической парадигмы--функционально-прагматической. В центре внимания функционального языкознания оказывается взаимосвязь языка и среды его функционирования, языковых структур, с одной стороны, и деятельных структур--с другой. Сердцевину функционального языкознания образует личностно-ориентированная деятельностная лингвистика [Сусов, 1988, 9].

Одной из проблем прагмалингвистики является разграничение семантики и прагматики. По мнению Р. Познера [Pozner, 1980], это разграничение в лингвистическом описании должно основываться на разграничении значения и употребления слов в речевой коммуникации. Согласно Д. Вундерлиху [Wunderlich, 1980, 304], семантика изучает буквальное значение, прагматика же имеет дело со всеми видами непрямого значения, а также с результатами акта речи, т.е. с теми выводами, которые делает слушающий из слов говорящего, с его последующими реакциями и т.д. Дж. Лич предлагает несколько постулатов для разграничения семантики и прагматики, однако в своей последней работе он приходит к выводу о необходимости рассматривать эти две дисциплины как дополняющие друг друга. «И семантика и прагматика связаны со значением языкового знака, но различие между ними трактуется с точки зрения разных пониманий глагола «значить». Семантика отвечает на вопрос «что означает?» Прагматика отвечает на вопрос «Что вы хотите сказать, употребив слово?» [Leech, 1985, 5-6]. Сходную точку зрения высказывает Дж. Олвуд, который считает, что, вероятно, было бы лучше отказаться от этого противопоставления в пользу семантико-прагматического подхода, при котором основной функцией языкового значения признавалась бы его контекстуальная адаптируемость [All-wood, 1981, 177]. Мы признаем наличие сложной диалектической связи между семантикой и прагматикой (см. [Введение](#)).

Слово как объект прагматического описания до недавнего времени не привлекало пристального внимания лингвистов, хотя в отдельных работах проблемы прагматики слова так или иначе затрагивались [Levinson, 1983; Плотников, 1984; Почепцов, 1986; Богданов, 1988].

Среди первых работ этого плана можно назвать книгу Г Клауса [1967].

Значительный вклад в обоснование и развитие прагматического подхода к анализу слова вложили советские лингвисты Л.А. Киселева [1978], Э.С. Азнаурова [1988]. Особую ценность представляет монография Э.С. Азнауровой, в которой впервые в отечественной и зарубежной лингвистике дается теоретическое обоснование принципов лингвопрагматического анализа слова, исходя из основных параметров коммуникативно-прагматической ситуации.

Вслед за Э.С. Азнауровой, мы считаем, что «множественное, повторяющееся употребление слова в типизированной ситуации речевого общения вызывает узуальное закрепление в слове прагматической информации» [Азнаурова, 1988, 38]. Слово приобретает прагматическую маркированность на уровне системы. Прагматическое содержание слова кодирует черты ситуации общения, в которой оно обычно употребляется. Прагматический анализ на уровне слова имеет целью выявление внутренних закономерностей, которым подчиняется адекватный выбор и употребление лексической единицы в типизированной ситуации общения. При этом особую роль приобретает выявление ограничений на употребление.

§ 2. Новая лексика английского языка в аспекте социальной дифференциации

Для того чтобы определить ограничения на употребление языковых единиц, необходимо учитывать факторы двух порядков: содержательного и функционального. Очевидно, выбор и употребление диктуется, с одной стороны, спецификой значения языковых единиц, с другой стороны, спецификой социального взаимодействия коммуникантов в различных ситуациях общения.

К основным параметрам прагматической ситуации, вслед за Э.С. Азнауровой, мы относим обстановку и место коммуникативного акта, предмет и цель коммуникации, социальные, этические, индивидуальные характеристики участников речевого общения, ролевые отношения между коммуникантами [Азнаурова, 1988, 38]. Во многом данные параметры совпадают с параметрами прагматического контекста, предложенными Дж Лайонзом [Lyons, 1977]

При разработке типологии факторов, ограничивающих употребление лексических единиц в различных ситуациях общения, необходимо учитывать «регулярную модель» социальной дифференциации языка У. Лабова, в основе которой лежит существование двух видов социальной вариативности языка: стратификационной (по вертикали) и ситуативной (по горизонтали).

«При выборе той или иной единицы из ряда денотативно- и десигнативно-равнозначных средств выражения

вступают в действие такие параметры, как социальный статус говорящего, его позиция в ролевой структуре общения, его отношение к предмету и адресату речи (социальные установки)» [Швейцер, 1983, 204]. Под статусом, вслед за А.Д. Швейцером, мы понимаем комплекс постоянных социальных и социально-демографических признаков, характеризующих индивида. Статус относится к понятийному ряду, связанному со стратификационной вариативностью языка (классовая и слоевая принадлежность, принадлежность к социальным институтам, профессиональным общностям). В аспекте стратификационной вариативности с необходимостью учитываются такие специфические черты личности, как возраст, пол, образование, этнический тип и т.д.

По линии ситуативной вариативности выделяются ролевые отношения участников коммуникации (симметричные/асимметричные); формы локализации (место (local) и обстановка (setting)) тех или иных ролевых отношений в пространстве и времени; сфера коммуникативной деятельности (или domain of language behavior); это обобщенная социальная (речевая) ситуация: наука, образование, религия, общественно-политическая деятельность, массовая коммуникация [Fishman, 1972]; языковой коррелят этих сфер-- функциональный стиль; тональность ситуации (tenor в терминологии Хэллiday, 1979, 31-35); официальная--нейтральная--неофициальная, установка (attitude) -- чувство признания/непризнания, предрасположенности/непредрасположенности.

Ср с пятичленной оппозицией Frozen -- Formal -- Consultative -- Casual -- Intimate, предложенной М. Джусом [Joos, 1962]

В аспекте ситуативной вариативности нам представляется также необходимым учитывать намерение говорящего (унизить, оскорбить, похвалить и т.д.), что является составной частью цели коммуникативного акта.

В зависимости от ролевых отношений участников коммуникации все ситуации общения делятся на симметричные и асимметричные. Симметричны ситуации, взаимодействующие участники которых имеют равное социальное положение, примерно одинаковый возраст, один и тот же пол.

В асимметричных ситуациях речь коммуникантов более эксплицитна. В симметричных ситуациях степень эксплицитности зависит от отношений между собеседниками: чем они более официальные, тем выше степень эксплицитности, и наоборот, чем интимнее отношения, тем менее эксплицитна речь каждого из участников, тем ярче проявляются тенденции к употреблению в речи эмоционально окрашенных, в том числе и разговорных слов (сленга) [Крысин, 1976].

Между двумя видами вариативности существует тесная взаимосвязь. Как правило, параметры двух видов вариативности действуют в комплексе.

Попытаемся продемонстрировать ограничения на употребление новой лексики в зависимости от двух осей социальной дифференциации. Речь пойдет преимущественно об одном типе ситуаций--о ситуациях неофициальной тональности.

Мы рассматриваем параметр тональности в качестве одного из ведущих факторов ситуативной вариативности.

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о том, что все параметры, определяющие статус говорящего, образуют иерархию, на верхней ступени которой находятся классовая и слоевая принадлежности.

В современном англоязычном обществе усиливается тенденция к социальному расслоению и, соответственно, к языковой дифференциации. Прежде всего следует отметить появление большого количества новых терминов, номинирующих представителей различных страт общества. Так, в 80-е годы появился термин *belonger* представитель большой социальной группы среднего класса, приверженец консервативных взглядов, заинтересованный в материальном комфорте и стабильности. Данная группа не может рассматриваться в одном ряду с *gumprie* и подобными им группами (ср., например: *gumprie*, *bluprie*, *grumpy*), так как *belonger* охватывает различные возрастные группы, и в отличие от *umpries*, представители данного социального слоя лишены авантюризма. Язык представителей этого слоя нарочито консервативен.

Хотя словари не дают указаний на преимущественное употребление слов в различных социальных классах и группах, тесты с носителями языка доказывают наличие социальных ограничений на употребление новых слов в английском языке.

Ср. в этой связи традиционные примеры Н. Митфорд, демонстрирующие отличие лексикона представителей высшего класса от лексикона представителей нижестоящих классов и слоев в Англии: *England vs Britain: vegetables vs greens; sick vs ill; lavatory vs toilet; spectacles vs glasses; scent vs perfume.*

Так, слова Archie Bunker, Alf Garnett, Ocker (a type of working-class man who often reacts to social pressures in a

bigoted and self-righteous way) ограничены в употреблении рамками высшего класса.

В связи с тем, что в данной главе анализу подвергается прагматика и семантика слова, нам представляется необходимым давать толкования слов на английском языке.

Все три новообразования произошли от имен героев телевизионных сериалов. Причем, все они территориально маркированы. Archie Bunker, пришедший на смену Joe Banker, ограничен американским вариантом, Alf Garnett -- бритицизм, Ocker употребляется исключительно в Австралии.

Рамками высшего класса ограничено также употребление слов sharon (a lower-class girl of a rather tarty appearance), dial-a-meal (meal ordered through telephone).

Рамками среднего класса ограничено употребление новых единиц, начинающихся с буквосочетания Mc, вычлененного из McDonalds (американская фирма, торгующая гамбургерами) и несущего значение «недорогой, удобный, стандартизированный»: McNews, McCinema, McLife, McTelecast и т.д.

Примеры, взятые из американской прессы 1988 г., подарены нам заведующим кафедрой лингвистики Джорджтаунского университета профессором Роджером Шаем.

Рамками рабочего класса ограничено употребление слов badmouth (to malign; slander), cheers (в значении good-bye), dozen (a contest of exchanging insults directed against relatives).

В последние годы чрезвычайно активным фактором, конституирующим прагматику слова, является профессиональный параметр. Возросшая профессиональная дифференциация языка отражается в появлении нового суффиксоидного элемента -speak со значением «язык, характерный для определенной профессиональной группы», «жаргон» (ср. с уже известным lingo). Например: artspeak, government-speak, sportspeak, med-speak (medical jargon), education-speak.

Как показал анализ, за последние десятилетия появились новые сферы, ограничивающие употребление разговорной лексики по профессиональному параметру. Это, прежде всего, компьютерная техника: dp-speak жаргон пользователей компьютерами (ср.: machinespeak компьютерный язык); видеотехника: video-speak жаргон пользователей видеоаппаратурой: cablespeak жаргон работников кабельного телевидения.

Рамками телевизионного жаргона ограничены слова docudrama комбинация драмы с документальным фильмом; Kidvid время для детских телепрограмм; prime-time период пика телепрограмм с 7 до 11 вечера (самое дорогое время для реклам).

Приводимые здесь примеры проверены по последнему словарю жаргона Дж. Грина [Green. 1987].

Одним из факторов, определяющим ограничения на употребление слова по линии стратификационной вариативности, является принадлежность к этническому социуму. Так, в языке последних десятилетий образовался целый синонимический ряд номинаций, называющих белого человека и ограниченных в употреблении рамками негритянского населения: blue-eyed devil, white, paddy, Mr. Charley, honky. Как показал опрос информантов-негров, все перечисленные синонимы маркированы отрицательной оценкой.

Среди белого населения в свою очередь употребляются оскорбительные для негров номинации: houtie, Af, terr (derogatory terms for black Africans). Рамками негритянского населения ограничен также новый синонимический ряд: dozen, signifying, woofing (a contest of exchanging insults directed against relatives, particularly against the mothers). Обычно эти слова употребляются неграми-подростками.

Рамками коренного населения Америки ограничено употребление слова apple (a derogatory name for an American Indian who is part of or cooperates with the white establishment).

К числу специфических факторов, предписывающих ограничения в аспекте стратификационной вариативности, относятся возраст, пол, образование. По возрастному параметру традиционно выделяется язык молодежи, а именно, студентов и школьников. Так, рамками подросткового социума США ограничено употребление слова drugs в значении О.К. Ср.:

For instance, your friend says, Let's go over to my house and listen to the new Dire Straits LP, to which you reply, Drugs!

Зачастую несколько параметров действуют одновременно, например: sweat (Winchester college slang) (a long run); task (an essay to write); brunch (late morning meal combining breakfast and lunch). Во всех приведенных примерах, относящихся к сленгу частных привилегированных школ для мальчиков, закодированы такие параметры стратификационной вариативности, как социальный, территориальный, возрастной и половой.

Рамками подросткового возраста ограничено употребление таких слов, как *to bliss-out* (to experience intense bliss), *to funk* (to swing pleasantly to agreeable music), *head* (a drug-addict), *to horse around* (to break out laughing). Рамками людей среднего возраста ограничено употребление слова *teeny-bopper* (a young person in his pre-teens).

Как правило, на градацию по возрастному параметру влияет социальный фактор. Так, выражение *Bee-Vop generation* употребляется представителями старшего поколения с иронией по отношению к людям, родившимся после войны и у которых более легкая жизнь.

Зачастую одни и те же предметы реального мира получают различные наименования в зависимости от возрастной градации коммуникантов. Так, представитель старшего поколения употребляет слово *ice-box* в значении *refrigerator*, *wireless* в значении *radio*, в то время как подросток употребляет соответственно *fridge* и *boombox*. Например:

He'll pig out on whatever in the *fridge*, while listening to Ms boombox.

Известно, что дифференциация по полу присуща лексике любого языка. Однако в последние десятилетия в связи с феминистским движением в английском языке появились прагматически маркированные термины, ограниченные в употреблении кругами радикалов-феминисток, с совершенно определенной прагматической оценкой. Так, слова *sexism*, *sexist*, *male chauvinist* в устах женщины звучат оскорбительно по отношению к мужчинам. Слова *lib*, *libber* в устах женщины звучат с гордостью. С другой стороны, эти же слова, произносимые мужчинами, имеют противоположное оценочное значение. В языке последнего десятилетия появляется специальное словосочетание *gender gap*, отражающее различия в восприятии мира мужчинами и женщинами. Видимо, можно говорить о дивергенции словесных знаков, вызываемой параметром пола.

Особый интерес, с точки зрения взаимодействия различных параметров стратификационной вариативности языка, представляют формы обращения. Их адекватное употребление требует учета расширения функциональной семантики слова.

Так, например, в результате анализа данных анкетирования информантов, проведенного Я. Силисом в Великобритании в 1983 г. [Силис, 1985], выяснилось, что обращение *Nurse* в современной языковой ситуации употребляется по отношению к представителям обоих полов, выполняющих обязанности младшего медицинского персонала. Это подтверждается употреблением словосочетания *male nurse* в качестве «косвенного обращения». Однако к медсестре женского пола, занимающей более высокое служебное положение (обычно в больнице), уместно обращаться: *Sister* (ср. *sister* сестра, *sister* участница движения женщин за свои права в США, *sister + last name* монахиня). Обращение *Matron* употребляется по отношению либо к старшей сестре больницы, либо к завхозу школы (ср.: *matron* замужняя женщина средних лет; употребляется в качестве косвенного обращения).

Члены одного и того же профсоюза обращаются друг к другу: *Brother + last name* (ср.: *brother* брат, *brother + last name* монах). Подобная форма употребляется в официальной речевой ситуации: *Brothers, I'd like to congratulate-you ...* (обращение к членам профсоюза). Эта же форма употребляется представителями мужского и женского пола среди негритянского населения в качестве обращения к мужчине.

Интересно также отметить расширение функциональной семантики таких форм обращения, как *love*, (*my*) *dear*, *darling*, которые вполне нейтральны и типичны даже по отношению к незнакомому человеку. Однако эти формы обращения ограничены по социальному параметру рамками малообразованных слоев общества. Одним из типичных примеров их употребления является разговор покупателя с продавцом в уличных торговых рядах. На вопрос покупателя продавец, как правило, отвечает: *Yes, love/No, love*.

Иными словами, можно говорить об иерархии факторов, определяющих статус говорящего и участвующих в построении типологии параметров прагматической ситуации. Данные параметры конституируют лишь внешнюю группу факторов, предписывающих адекватный выбор и ограничения на употребление слова в акте коммуникации.

§ 3. Прагматическая дифференциация новой лексики и ее связь с семантикой

Всякое социальное поведение, в том числе и речевая деятельность, регулируется правилами. Нормы речевого поведения, хотя и входят (или должны входить) в систему воспитания, относятся к сфере молчаливого соглашения между коммуникативно обязанными членами общества. Задача прагматики - обнаружить и сформулировать правила речевого общения [Арутюнова, 1986]. Прагматическим правилам в системе лексического значения слова должны соответствовать прагматические компоненты, кодирующие вышеописанные прагматические параметры, а также предписывающие ограничения на употребление лексических единиц. Иначе говоря, одной из задач функциональной лексикологии является изучение тех черт контекстов употребления слов, которые закодированы на уровне системы, т.е. на уровне их лексического значения.

Мы исходим из схемы структуры лексического значения слова, разработанной М.В. Никитиным [1974],

согласно которой в содержании словозначения выделяются: интенционал (ядро значения), импликационал (все стереотипные ассоциации, традиционно связываемые с денотатом) и эмоционал (субъективно-оценочный компонент содержания, который разными лингвистами в разные времена назывался *feeling, tone, emotive valeur*). Предписывающие компоненты значения могут соотноситься с любым из трех перечисленных аспектов словозначения.

По мнению Э.С. Азнауровой. прагматическое значение соотносится исключительно с импликационалом [Азнаурова. 1988].

Если они соотносятся с интенционалом, в этом случае сама денотативная предопределенность слова предписывает сферы его адекватного употребления, очерчивает круг возможных ситуаций общения. Так, денотативная специфика слов типа *bio-computer, multy-user, co-processor* ограничивает их употребление рамками ситуаций, связанных с использованием компьютеров. Данные компоненты кодируют профессиональный параметр участников ситуации общения.

Прагматические компоненты могут локализоваться в импликационале значения. Так, для правильного, удовлетворительного употребления нового ЛСВ слова *bird (an attractive girl or a woman)* необходимо знать, что в импликационале этого слово-значения закодировано предписание, ограничивающее употребление этого слова рамками мужской компании. Компоненты этого типа кодируют социальный, возрастной, половой, этнический параметры коммуникантов, их ролевые отношения."

Наконец, прагматические компоненты могут соотноситься с эмоционалом значения и быть эксплицитно выражены через словарную помету (*rej., mock., iron.*), через эмоционально окрашенные словообразовательные элементы, через оценочные слова в дефиниции.

Данные прагматические компоненты кодируют такие параметры ситуативной вариативности, как тональность ситуации общения, намерение говорящего.

Исходя из этого, в новой лексике можно выделить три больших пласта:

- 1) слова с интенциональными прагматическими компонентами;
- 2) слова с эмоциональными прагматическими компонентами;
- 3) слова с импликациональными компонентами.

При этом учитывалась внутренняя коммуникативная природа слова (идентифицирующая или предикатная); функции идентификации и предикации входят в состав прагматических факторов, обуславливающих функционирование словесных знаков в процессе общения.

Если имя, выполняющее идентифицирующую функцию, выступает семиологическим аналогом вещи или класса вещей в высказывании, то предикатное имя выступает семиологическим аналогом признаков вещи или класса вещей [Никитин, 1974, 73]. Денотат предикатного имени предстает как одно из свойств, признаков, качеств и т.п. объекта обозначения, «пропущенный» через призму квалификативной оценки. К словам, специализирующимся на выполнении предикатной функции, относятся прежде всего прилагательные и глаголы, которые по своей природе являются носителями признаков, т.е. классическими предикатами. Однако предикатными могут быть не только прилагательные и глаголы, но и существительные, несущие в себе оценочно-характеризующую моно-признаковость (см. раздел «Новая лексика в аспекте социальной дифференциации»).

В первую группу (включающую слова с интенциональными прагматическими компонентами) вошли единицы, являющиеся по своей природе идентифицирующими (называющими), т.е. гетеросемными; в значении этих слов эксплицитно выражен набор признаков денотата, по которым он идентифицируется. Эти слова, как правило, употребляются в определенных, узкоспециальных конкретных сферах. Так, например, словосочетания *theatre of fact, theatre of absurd, theatre of cruelty, black theatre* ограничены в употреблении рамками театральной тематики и группой специалистов в данной области. Иными словами, сюда относятся единицы, ограниченные в употреблении по профессиональному параметру.

Особый интерес представляют слова, по своей денотативной предопределенности принадлежащие к малым социальным группам и денотирующие представителей этих групп.

Во вторую группу новой лексики входят слова, содержащие предписывающие компоненты в эмоционале значения. Слова данной группы, как правило, являются предикатными по своей природе, моносемными, несущими, как правило, один признак и не имеющими такой четкой референтной соотносительности, как слова первой группы. Это, как правило, эмоционально окрашенные слова-характеристики, оценочные единицы. Такие единицы часто называют прагмемами, так как они являются прагматически отмеченными в оценочном плане уже на уровне лексической системы.

Термин Л.А. Киселевой [1978].

Сюда вошли новые слова с эмоционально окрашенными суффиксами (преимущественно отрицательными): -y/-ie, -nik, -eer.

Прагматические компоненты, эксплицитно выраженные в значениях этих суффиксов, предписывают употребление данных слов в ситуациях неформального общения с целью унижить собеседника. Например, слова *druggy* (a person who takes drugs), *drugster* (a drug addict), *folkie* (si a folk singer), *folknik* (si a devotee of folk songs) были оценены тестируемыми носителями языка как *derogatory*, *disapproving*.

В данную группу входят также семантические неологизмы, являющие собой новые ЛСВ существительных, прагматические компоненты которых эксплицитно выражены в словарных дефинициях через оценочные прилагательные. Например: *a yeam* (a tiresome person), *jack-boot* (rough, bullying measures). Все слова данной группы употребляются в ситуациях квалитативного, т.е. характеризующего, типа. Прагматические компоненты в значении этих слов определяют их выбор со стороны участников коммуникации с целью оскорбить.

Правильное использование слова *yumpie* предписывается прагматическими компонентами, входящими в эмоционал (ирония, насмешка по отношению к адресату). Ср.:

The ultimate *Yumpie* status symbol is to have a child suffering flash-card burn-out.

Зачастую отрицательная тональность ситуации, в которой используются слова подобного типа, усиливается за счет ингерентной оценки дерогативного суффикса (в данном случае за счет суффикса -ie, который в последние годы развил новые отрицательные значения). Ср. с суффиксоидным элементом -gate скандал, который предписывает употребление слов, содержащих его, в ситуациях отрицательной тональности, например, *contragate* (скандал, связанный с секретной поставкой оружия никарагуанским контрабандистам). Таким образом, слова этой группы ограничены в употреблении по линии ситуативной вариативности.

В третью группу вошли слова с прагматическими компонентами, локализующимися в импликационале значения. Адекватное употребление данных слов требует знания дополнительных ассоциаций, связанных с культурой, традициями, бытом страны изучаемого языка. Слова этого слоя могут быть как предикатными, так и идентифицирующими. Так, новое значение *vegetable* (a lifeless, inert creature) является предикатным знаком, несущим один ведущий признак--пассивность, который эксплицитно выражен в словарной дефиниции. Для адекватного употребления данного слова необходимо знать, что в квалитативной ситуации общего типа оно несет отрицательный заряд и вызывает соответствующую отрицательную реакцию партнера. Однако в медицинском контексте, по данным опроса информантов, это слово нейтрально. Словарь не указывает на подобное разграничение.

Идентифицирующие слова *convenience-food*, *junk-food*, *fast-food*, которые обозначают быстро приготовляемую пищу, требуют знания английской действительности последних десятилетий. *Fast-food* обозначает гамбургеры и прочие быстро приготовляемые блюда в кафе американских фирм McDonalds. *Convenience-food*, *junk-food* имеют одинаковую денотативную соотнесенность -- консервированные продукты (концентраты), не требующие длительного приготовления дома; однако *junk-food* ассоциируется с пищевыми суррогатами, и посему в коммуникативном акте это слово употребляется с пренебрежением по отношению к человеку, который употребляет консервированную пищу (как правило, это человек, стоящий на более низкой, по сравнению с говорящим, ступени социальной лестницы). Неадекватное употребление слов, подобных *junk-food*, может вызвать отрицательную реакцию, противоположную ожидаемой. Ср.: *Sears-Roe-buck* (от названия американской торговой фирмы *Sears-Roe-buck and Co*), связанный у носителей языка с представлением о дешевых товарах; употребляется по отношению к человеку, который, с точки зрения говорящего, не представляет большой ценности.

Для правильного употребления предикатных слов с полусуффиксом -athon, вычлененным из *marathon* и имеющим значение «состяжание на выносливость», необходимо знать о том, что в импликационале подобных слов содержится информация о благотворительной направленности состязаний подобного типа. Ср.:

Television personalities awaiting the start in Hyde Park yesterday of the *Bikethon*, a 20-mile cycle ride in aid of handicapped and underprivileged children.

Ср. также: *readathon* состязание на выносливость в чтении, *swimathon* соревнования на выносливость по плаванию. Слова этой группы ограничены в употреблении по социальному, половому, возрастному, этническому параметрам.

Между типом языкового знака (предикатный vs идентифицирующий) и типом прагматических компонентов существует определенная корреляция. Так, у идентифицирующих знаков прагматические компоненты являются преимущественно интенциональными или импликациональными. В значении идентифицирующих (гетеросемных) знаков сама денотативная предопределенность их значения очерчивает круг возможных ситуаций употребления данных единиц.

У предикатных знаков прагматические компоненты локализуются, как правило, в эмоционале или в

импликационале.

У них отсутствует четкая референтная соотнесенность. Данные слова употребляются, как правило, в качественных ситуациях неофициальной тональности, участники которых находятся в симметричных, равных по статусу отношениях.

Таким образом, можно говорить о реальности существования в семантической структуре словозначения прагматических компонентов. При этом, однако, ошибочно утверждать, что прагматика слова соотносится с одним единичным аспектом структуры слово-значения. Она пронизывает все ее аспекты. Можно говорить о существовании определенной типологии прагматических компонентов в значении слова.

Между типом прагматических компонентов и параметрами прагматической ситуации существует диалектическая взаимосвязь. Так, ограничения по профессиональному параметру предписываются, как правило, интенциональными компонентами, ограничения по возрасту, полу, расе--импликациональными прагматическими компонентами, ограничения по линии ситуативной вариативности (тональность, ролевые отношения коммуникантов) соотносятся преимущественно с эмоционалом значения.

§ 4. Функциональный аспект лексикографической практики

Описание словарного состава в аспекте функциональной лексикологии предполагает разработку функционального аспекта лексикографической практики. Речь идет о введении прагматической зоны в словарную дефиницию, на необходимость которой указывает в своих работах Ю.Д. Апресян [1987,1988], и о разработке дополнительной системы помет.

Связь, существующая между параметрами прагматической ситуации и прагматическими компонентами слова, должна отражаться в словарях. Если предписывающие компоненты входят в ядро значения (интенционал), прагматические ограничения на употребление эксплицитно выражены через тематические слова словарной дефиниции, т.е. прагматическая информация вклинивается в семантическую зону словарной статьи. Это, как правило, характерно для слов идентифицирующего типа. Сюда относятся слова, ограниченные по социальному и профессиональному параметрам (что соотносится со стратификационной вариативностью языка). Например, словосочетания типа *machine art* (a form of art that uses mechanical, electronic, magnetic devices as objects of art) ограничены в употреблении рамками искусствоведческих тем и группы специалистов сферы искусства.

Если предписывающие компоненты локализируются в эмоционале, они выносятся в прагматическую зону словарной статьи в виде эмоционально-стилистических помет. Существующая сетка помет не может считаться удовлетворительной -- она бессистемна, непоследовательна и неадекватно отражает фоновый мир ценностей. Оценочные признаки мобильны, так как ценностная картина мира меняется. В различные эпохи одно и то же слово может иметь различные оценки. Кроме того, возникают новые амбивалентные единицы, оценка которых будет различна, в зависимости от позиции коммуникантов. Так, например, с позиции адресанта, находящегося вне группы представителей определенной субкультуры, слово несет отрицательную оценку, с позиции адресанта, находящегося внутри группы, слово будет маркировано либо положительными, либо нейтральными коннотациями (ср.: *freak* (a drug-addict) наркоман). В словаре подобную амбивалентность можно отмечать знаками «+» и «-» с дополнительной информацией о регистре субкультуры. Прагматическая информация данного типа соотносится с ситуативной вариативностью языковых единиц. В аспекте ситуативной вариативности словарь должен содержать также пометы, указывающие на тональность ситуации (официальная--нейтральная--неофициальная).

Данные пометы должны коррелировать с традиционными стилистическими пометами (*si., poet, etc.*). Так, просторечные слова употребляются, как правило, в симметричных ситуациях неофициальной тональности.

Если прагматические компоненты соотносятся с импликационалом значения, они также выносятся в прагматическую зону и снабжены специальными словарными пометами, фиксирующими возрастные, национальные, территориальные, а также ролевые отношения участников коммуникации (симметричные vs асимметричные). Данная сетка помет также неполна и непоследовательна, она нуждается в дальнейшем расширении и унификации. Иногда прагматическая информация, входящая в импликационал, фиксируется в словарях через текстовые пояснения. Например, в словосочетании *Peter's Principle* закон продвижения посредственности прагматическая информация раскрывается через дополнительное пояснение смысла шутливого закона сатирика Питера: «Каждого работника повышать до уровня его некомпетентности». Незнание прагматической информации подобного типа ведет к прагматическим аномалиям в процессе общения, к неадекватному употреблению той или иной лексической единицы, к нарушению коммуникации. Прагматически релевантными в данном случае являются фоновые знания, связанные с культурой, традициями, бытом, религией нации, с практикой использования вещи, со спецификой социального устройства общества. Именно эти компоненты, представляющие наибольший интерес для прагматической лингвистики, носят, как правило, имплицитный характер, не отражены в словарях и существуют в языковом сознании носителей языка.

В систему прагматических помет должно также входить указание на диахроническую глубину слова по оппозиции: архаическая -- устаревающая -- новая, а также указание на частотность употребления слова по

оппозиции: обиходное vs редкое; в прагматическую зону также должно входить указание на конкретную сферу употребления (профессиональный регистр): научная, юридическая и т.д.

Во время завершающего этапа работы над пособием в издательстве «Коллинз» вышел в свет первый прагматически ориентированный словарь английского языка [Cobuild. 1987]. Словарные дефиниции содержат прагматическую информацию, включающую указания на географический ареал употребления слова, на тип речи (устный vs письменный), на тональность ситуации (официальная vs неофициальная), на отношение говорящего (оскорбительное, одобрительное, грубое и т.д.), на возрастную, профессиональную и социальную статусы говорящего.

Словарь--результат совместного труда лингвистов Бирмингемского университета. где впервые в Англии создан машинный фонд английского языка, и издательства «Коллинз». Ценность его заключается еще и в том, что он полностью основывается на компьютерных данных о частотности употребления и включает 2000 наиболее употребительных слов современного английского языка.

Вышеуказанная система помет должна быть включена, прежде всего, в словари для иностранцев, а также в словари новых слов и значений, которые вызывают трудности адекватного выбора и употребления. Введение прагматической зоны в толковый словарь может показаться громоздким. В таком случае можно вести речь о создании специального словаря употребления языка определенной эпохи.

§ 5. Соотношение семантической и прагматической вариативности новой лексики

В данном разделе речь пойдет о соотношении прагматики и семантики слова в динамическом аспекте. Иными словами, мы попытаемся ответить на два вопроса:

- 1) каким образом изменения в семантике связаны с изменениями в прагматическом потенциале слова?
- 2) как изменения в употреблении слова связаны с расширением семантической структуры слова?

Экономичность языка, являясь одним из существенных его свойств, вынуждает язык избегать количественного приращения единиц его плана выражения и обращает номинативную деятельность в русло вторичной номинации--ведет к переосмыслению уже имеющихся в языке номинативных средств.

Как известно, новые лексико-семантические варианты слова появляются в языке вследствие асимметрии языкового знака. Причиной их появления, вслед за Л.П. Якубинским, можно признать нарушение языкового автоматизма (один знак--одно значение).

При изменении семантической структуры лексемы, при развитии новых ЛСВ меняется и ее прагматика. Так, при образовании нового значения слова dog (a traitor, one who betrays) произошла внутренняя перестройка в структуре исходного многопризнакового идентифицирующего ЛСВ (quadruped of many breeds, wild and domesticated). Образовался новый моносемный ЛСВ квалитативного типа, который имеет более широкий диапазон употребления, так как соотносится с более широким кругом денотатов и может быть употреблен по отношению к любому существу, способному на выслеживание и предательство. Иначе говоря, вслед за изменениями в семантике происходят изменения в прагматике слова, расширяется спектр ситуаций, в которых оно употребляется.

Прагматический потенциал лексемы складывается из прагматики всех ЛСВ, входящих в ее структуру. Одна и та же лексема в своих различных ЛСВ реализует различные аспекты прагматического заряда. Каждый ЛСВ имеет свой прагматический потенциал, предписывающий ему адекватное употребление в различных ситуациях общения.

С точки зрения прагматики, наибольший интерес представляют новые значения слов, употребление которых диктуется прагматическими компонентами, локализующимися в импликационале и эмоционале значения. Это, как правило, относится к предикатным знакам.

В принципе все единицы словаря прагматически маркированы, но в разной степени. Иногда прагматическая маркированность может быть равна нулю. Слова же предикатного типа обладают наивысшей степенью прагматической отмеченности, ибо несут в своей семантике элементы характеристики, оценки, создающие определенный прагматический эффект.

Именно предикатные ЛСВ в большей степени, чем идентифицирующие, требуют учета ограничений на их употребление.

Исходя из того, что предикатные ЛСВ несут в себе оценку, их выбор и употребление, как правило, ограничены ситуациями квалитативного типа. Прагматические ЛСВ кодируют в себе один из параметров коммуникативно-прагматической ситуации--намерение говорящего, в частности намерение охарактеризовать, дать оценку. Кроме того, в эмоционале данных единиц закодирована информация, предписывающая их

употребление в ситуациях неформального общения (Данный вывод получен на основе опроса информантов, а также в результате проверки новых ЛСВ по новейшим словарям, содержащим прагматические пометы [COBUILD. 1987; Chapman, 1987].).

Рассмотрим механизм становления предикатного типа значения. Прежде всего, представляется важным определить своеобразные центры аттракции, т.е. лексико-семантические группы (ЛСГ), наиболее активно пополняемые новыми характеризующими ЛСВ. Такой группой оказалась ЛСГ имен лица.

Анализ образования ЛСВ имен лица показал, что они развиваются в семантической структуре существительных, по своему основному значению принадлежащих к ЛСГ имен предметов, животных, отвлеченных явлений; при этом центром иррадиации оказалась ЛСГ N obj (Здесь и далее используются условные обозначения: N obj--ЛСГ имен предметов; N pers--ЛСГ имен лица; N zoo--ЛСГ имен животных; N abstr--ЛСГ имен абстрактных понятий и явлений.).

Анализ образования новых прагмем N pers из ЛСГ N obj показал, что эти ЛСВ возникают, в основном, путем метафорического переноса, главным образом, от основного ЛСВ слова, являющегося, как правило, идентифицирующим.

Для выявления «механизма» образования прагматически отмеченного ЛСВ данного типа был применен метод компонентного анализа, сравнивались компонентные структуры исходного и производного ЛСВ. Как известно, семантическая структура словозначения представляется в виде иерархии сем: «архисем»-- общих сем родового значения, дифференциальных сем видового значения и потенциальных сем, отражающих побочные характеристики объекта [Гак, 1972].

Помимо этих трех типов сем в семантике выделяются так называемые классемы, которые выполняют связывающую функцию в синтагматике и классифицирующую--в парадигматике. Они представляют самые абстрагированные элементы значения, такие, как одушевленность, материальность, исчисляемость и т.д. В нашем исследовании классемы определяются оппозицией параметров: одушевленность -- неодушевленность.

С точки зрения компонентного анализа, в основе всех традиционных семантических процессов, на наш взгляд, лежат три оси:

- 1) ось редуцирования (убавления) компонентов значения;
- 2) ось индуцирования (прибавления) компонентов;
- 3) ось субституции (замены) одних компонентов на другие [Заботкина, 1979].

По линии убавления компонентов денотативного значения идет процесс расширения значения [Ср.: Nida, 1975]. Например, при образовании нового ЛСВ *charisma* (strong personal appeal) произошла потеря семы «отношение к религии» (ср. с исходным значением: a gift bestowed by God on select individuals). В результате содержание понятия обедняется, но объем соответственно расширяется, слово стало обозначать большее число референтов. (Данное утверждение базируется на идее Г. Пауля [1960] об обратной-пропорциональной зависимости изменений в содержании понятия и его объеме, т.е. при сужении происходит обогащение содержания понятия, но обеднение сферы предметной соотнесенности: при расширении содержание понятия обедняется, но расширяется его объем.).

Аналогичный процесс произошел при образовании широко употребительного слова *guru*. Ср.:

guru - N pers¹ a personal religious teacher and spiritual guide in Hinduism. □
N pers² - a leading figure in some field.

По линии прибавления компонентов идет процесс сужения. Так, при образовании нового значения слова *don* (a leader in the mafia) к первоначальному значению (a leader, a teacher, a master) добавилась конкретизирующая сема *membership of a mafia*, т.е. социально маркированный компонент, предписывающий новому ЛСВ ограничения на употребление рамками ситуаций, связанных с деятельностью мафии. Объем значения сужается соответственно, появляются новые прагматические ограничения.

Процессы метафоры и метонимии идут по линии замены дифференциальных сем исходного значения на дифференциальные семы нового значения на основе одной общей семы. (При процессах расширения и сужения происходит как бы скольжение слова на смысловом участке по поверхности денотатов, образующих своего рода континуум близких, незначительно отличающихся референтов [Пелевина, 1969]. Слово движется либо по линии прибавления, либо по линии убавления, либо и по той и по другой. При метонимии и метафоры происходит не плавное движение, а скачок имени с одного денотата на другой.) При этом общая сема может входить в ядро значения и иметь ранг дифференциальной семы, либо находиться в импликационале (в ранге потенциальной семы). Исходя из этого, можно говорить о двух видах метафорического переноса:

- 1) на основе общности визуальных признаков;
- 2) на основе общности ассоциативных признаков.

Например, все приведенные выше новые значения слова box (a TV, a computer, a wireless) появились в результате метафорического переноса на основе визуально воспринимаемого сходства по форме. Ср. исходное значение box--a container of rectangular form.

Однако среди предикатных знаков преобладают метафорические процессы второго типа, когда общий признак находится на периферии исходного значения. Так, при образовании нового ЛСВ vegetable в качестве базы для метафорического переноса выступает потенциальная сема «пассивность», которая в исходном значении (a usually herbaceous plant that is cultivated for an edible part) отсутствует, а имплицитруется из интенционала. Происходит актуализация данной семы, которая в новом значении заменяет все дифференциальные семы исходного значения и становится доминантой всего значения. При этом одновременно с изменениями в денотативном значении происходят изменения в коннотативном аспекте значения (эмоционале).

Схема процессов изменения эмоционала (его оценочного компонента) строится по тому же принципу трех осей:

1) по линии прибавления идут процессы:

- а) мелиорации (в случае прибавления положительной оценки), например: gas--a great pleasure, a delight; funky--appealing; или
- б) пейорации (в случае индуцирования отрицательной оценки), например: don, vegetable, drag (smth boring);

2) по линии убавления идет процесс централизации (переход значения из оценочного в нейтральное): black потеряло свою негативную окраску под влиянием лозунга Black is beautiful.

3) по линии замены идет процесс энантиосемии¹ (изменение знака оценки на противоположный). Например, слово bad развило новое значение good (ограничено в употреблении рамками негритянского населения): fulsome - значение grossly excessive to good taste заменено на flattering, complimentary.

В целом процесс пейорации более продуктивен по сравнению с мелиорацией в новой лексике современного английского языка.

Рассмотрим последовательно стадии изменения значения при метафорическом переносе с точки зрения компонентной (семной) структуры. Ср.: flivver - N obj - a small cheap usually old automobile. □ N pers--a person who has a damaging or deleterious influence; a failure.

- 1) замена классемы «неодушевленность» и архисемы «предмет» классемой «одушевленность» и архисемой «человек»;
- 2) редуцирование дифференциальных сем, отражающих видовые особенности старого автомобиля;
- 3) актуализация потенциальной семы «поломка, неудача», которая в новом значении приобретает статус дифференциальной семы и становится доминантой интенционала (моносемизация);
- 4) индуцирование отрицательной оценки.

Аналогичные изменения в компонентной структуре значения происходят при образовании нового предикатного ЛСВ cube - N obj - the regular solid of six equal square sides. □ N pers - an extremely conventional or conservative person.

Актуализированные потенциальные семы «консерватизм», «прямолинейность», «отсутствие гибкости» имплицитуются из таких интенциональных признаков исходного значения, как regular, equal, square.

Образовавшиеся вновь ЛСВ помимо прагматического кода в эмоционале (намерение оценить) начинают обраться прагматическими компонентами нового импликационала.

Многие лингвисты признают энантиосемию как явление развития словом противоположного денотативного значения (например, Л.А. Новиков [1973]). Мы же, придерживаясь точки зрения Д.Н. Шмелева [1977], относим к энантиосемии явление изменения знака оценки на противоположный.

Рассмотрим это на следующих примерах, характеризующих человека по внешности. Ср.:

cookie -- N obj -- small flatt cake, biscuit

N pers - an attractive person. heap -- N obj -- things thrown on one another, pile

N pers -- a slovenly woman. Или: dish -- N obj -- the food served in a dish

N pers - an attractive person, esp. a woman.

В импликационалах данных предикатных ЛСВ кодируется предписание, ограничивающее их употребление рамками мужской компании. Многие женщины воспринимают эти слова как оскорбление. Незнание подобной прагматической информации может привести к неадекватной реакции партнера по коммуникации.

Менее характерно появление новых ЛСВ имен лица для существительных, по своему основному значению относящихся к разряду имен животных. Анализ показал, что образование новых предикатных ЛСВ идет путем метафорических переносов на основе ассоциативных представлений о характере и повадках животных и птиц и о их внешнем виде.

Новые ЛСВ оценивают человека по характеру:

cow -- N zoo -- female of any bovine animal esp. of the domestic species. N pers - an objectionable person.

Новые значения, образованные от имени животного, могут квалифицировать лицо по умственным способностям. Так, предикатный ЛСВ слова goat (a silly person, a fool) образуется на основе ассоциативного представления о козле как о глупом, тупом животном. Ср.:

cluck -- N zoo -- a broody fowl N pers - a dull or unintelligent person, a fool.

Обращает на себя внимание тот факт, что новые предикатные ЛСВ могут развиваться в семантической структуре слов, уже имеющих оценочно-характеризующее значение лица, зафиксированное в основном корпусе словаря. Речь идет о словах с богатым импликационалом. Например, dog имеет богатое ассоциативное поле, включающее в себя различные импликационные признаки (преданность, верность, услужливость, ничтожность, угрюмый характер и тд.) [Никитин, 1979]. Существующий в языке оценочный ЛСВ dog (N pers--a worthless or surly person) явился результатом актуализации потенциальной семы «ничтожность». Новый прагматически отмеченный ЛСВ, как указывалось выше, является результатом актуализации потенциальной семы «выслеживание». Импликационал нового ЛСВ предписывает его употребление в среде преступного мира.

Для сравнения рассмотрим семантическое развитие слова fox, имеющего следующее исходное значение: any of various alert carnivorous mammals of the dog family related to but smaller than wolves wrh shorter legs and long bushy tail.

В языке уже давно существует оценочный ЛСВ N pers, развившийся в семантической структуре данного слова на основе актуализации в интенционале импликационного признака «хитрость»: N pers - a crafty person.

Новый ЛСВ fox - N pers - sl an attractive woman образован в результате введения в семантический фокус значения актуализированной потенциальной семы «привлечение внимания», которая имплицитруется интенционалом основного значения fox (мех, а также длинный пушистый хвост предполагают привлечение внимания). Новый ЛСВ ограничен в употреблении рамками негритянского населения и подростков. Для большинства женщин, как показали результаты опроса информантов, данная оценочная единица является оскорбительной.

Очевидно, подобная «зоополисемия» объясняется, с одной стороны, значительной степенью использования данной ЛСГ на предидущих этапах развития языка, с другой стороны, богатством импликационала значения отдельных слов из ЛСГ имен животных. Это позволяет сделать предположение о том, что слова данной группы будут продолжать развивать новые предикатные ЛСВ и каждый раз это будет результат актуализации одного из множества импликационных признаков значения.

Особого внимания, с прагматической точки зрения, заслуживает подгруппа бранных слов, у которых оценка входит не в эмоционал, а в интенционал значения, т.е. составляет ядро всего значения.

get -

N zoo -- the entire progeny of a male animal; offspring

N pers - sl a bastard, hence as a general term of abuse; a fool, idiot

pig -

N zoo -- swine, hog □ N pers -- a hostile or insulting epithet for a policeman

crow -

N zoo--any of various large usu. entirely glossy black oscine birds □ N pers - *sl* a derogatory name for a girl or woman esp. one who is old or ugly

В импликационалах новых ЛСВ индуцируются прагматические компоненты, ограничивающие их употребление по линии стратификационной вариативности рамками средних и низших слоев населения. Слово *crow* помимо этого ограничено в употреблении рамками молодежной среды и преступных элементов.

Таким образом, становление прагматического значения идет преимущественно по линии метафорического переноса за счет актуализации имплицитных компонентов. Образование прагматически отмеченного типа значения у имен лица за счет метонимического переноса менее характерно. И это не случайно. Как известно, для метонимии более характерно тяготение к индикативной функции, нежели к функции предикации [Телия, 1977]. В метафоре всегда возможен гипотетический домысел и превалирует субъективное начало (чем объясняется ее широкое использование в квалификационно-оценочной деятельности сознания). Это объясняется тем, что метафора, как правило, апеллирует к интуиции и тем самым оставляет адресату возможность творческой интерпретации (разумеется, возможности по-разному интерпретировать метафору не беспредельны, их лимитирует денотат определяемого имени [Арутюнова, 1978]). В метонимии же, как правило, смежными являются реальные свойства того, что уже обозначено, и нового обозначаемого.

Как показал анализ, основная метонимическая модель образования прагматически отмеченного типа значения имен лица: «действие--человек, осуществляющий это действие». Эта модель может видоизменяться и преломляться. Так, новый ЛСВ *yawn* образован по смежной связи «действие--человек, вызывающий это действие».

yawn--N abstr--a deep usually involuntary intake of breath through the wide open mouth □ N pers-- a tiresome person, a bore.

Или: *giggle* -- N abstr -- laugh in a silly manner □ N pers--an amusing person.

Семантические процессы, происходящие в структуре значения, заключаются в следующем: замена классемы «неодушевленность» и архисемы «отвлеченное понятие» («действие») на классему «одушевленность». Далее происходит актуализация в интенционале потенциальной семы «человек» (действие имплицитно подразумевает существование лица, осуществляющего это действие), которая приобретает статус архисемы нового ЛСВ. Затем происходит индуцирование оценочного компонента, который кодирует в эмоционале намерение говорящего оценить (положительно или отрицательно).

Образование новых предикатных ЛСВ имен лица внутри лексико-семантической группы имен лица не типично. Семантические процессы сводятся к расширению и сужению значения. Новые ЛСВ, образованные от имен лица, лишены образности и несут не эмоциональную, а нормативно-этическую оценку, т.е. оценку, определяемую по шкале социальных ценностей, а не по шкале эмоций.

Особого внимания среди новых значений данного типа заслуживают слова, развившие несколько новых оценочных ЛСВ. Например:

- freak*-- N pers¹ -- abnormally developed specimen □ N pers² -- *sl*
1) a person who has broken away from conventional society, especially a hippie;
2) a drug addict;
3) an addict of anything; a devotee or enthusiast.

В исходном ЛСВ *N pers* выделяется сема «физическое отклонение от нормы», которая составляет фокус всего значения. Здесь присутствует качественная характеристика по физическому параметру. В значении нового предикатного ЛСВ происходит редуцирование дифференциальной семы «физическое» и затем прибавление новой дифференциальной семы «социальное». Компонент качественной характеристики претерпевает изменения; в новом предикатном значении это -- «характеристика по социальному фактору». Оценка не подвергается изменению, она сохраняет отрицательный знак. При образовании второго нового предикатного значения происходит актуализация потенциальной семы «наркотик» (социальное поведение хиппи имплицитно подразумевает наркоманию), которая становится доминирующим компонентом нового значения, все остальные семы (дифференциальные) редуцируются.

Образование следующего предикатного ЛСВ идет по линии потери семы «наркотик» и сохранения семы «приверженность», «пристрастие» (расширение значения). Однако расширение значения сопровождается в данном случае процессом изменения в эмоционале значения. Знак оценки меняется на противоположный (энантиосемия).

Как показывает анализ, процесс энантиосемии имеет место лишь при образовании предикатного ЛСВ от

предикатного ЛСВ.

Из всех трех новых значений наиболее употребительным является ЛСВ--an addict of anything, a devotee or enthusiast. Слово *freak* в этом значении приближается к полуаффиксу, ср.: *music-freak*, *word-freak*, *radio-freak*, *jesus-freak* и тд. В импликационале нового значения появляются прагматические компоненты, предписывающие его употребление среди молодежи в неформальной ситуации. Вариантом *freak* является *phreak*, однако последний предполагает наличие странности в увлечении человека. Ср.:

Phreak is an easy variant of *freak* for any whimsical purpose. For example, name *phreak* is Herb Caen's term for a person who contributes a note on an oddity in a personal name to his column in the *San Francisco Chronicle*.

Слово *phreak* одновременно является результатом усечения первого компонента в *phone phreak*--a person who uses electronic equipment illegally to make the telephone calls. Ср.:

So far British *phreaks* have tended to avoid the sophisticated electronic devices used by many US *phreaks*.

Аналогичные изменения произошли в семантической структуре слова *head*, развившего также три новых ЛСВ:

head --

- 1) a person who has broken away from conventional society
- 2) a drug-addict
- 3) a devotee or enthusiast.

Однако с точки зрения прагматики новые значения двух слов проявляют различия. Так, из трех значений *head* самым употребительным является a drug-addict. Как показал опрос информантов, слово *head* в этом значении является сленгом учеников средней школы. Кроме того, слово ограничено по линии стратификационной вариативности территориальным параметром и употребляется преимущественно в США.

Наш вывод о наибольшей прагматической активности второго нового значения *head* подтверждается тем фактом, что именно в этом значении слово *head* стало употребляться в качестве второго компонента сложных слов, обозначающих наркоманов, например:

pot-head (marijuana-smoker);
acid-head (a person addicted to LSD);
smack-head (a user or addict of heroin);
hash-head (a user or addict of hashish or marijuana);
dust-head (a habitual user of Angel-dust, a marijuana cigaret laced with hallucinogenic-like drug).

В этой связи заслуживает внимания слово *junkie*, которое существовало в английском языке с 20-х годов в значении a drug-addict. В 70-х годах в семантической структуре слова по аналогии с *head* и *freak* появилось новое значение--one who is addicted to some (specified) thing; enthusiast, devotee. Например:

For all I know, people may exist who like to see their names in print. John Lennon and Yoko Ono were said to be print *junkies*.

Barbara Mikulski, a Democratic member of Congress from Baltimore-told me why she was here: "I'm a new idea *junkie*. In 1968 and 1972 the party wasn't in touch with what was going on out there with the people."

Ср. также:

Zuckerman describes himself as a newspaper and magazine *junkie* .

Как видно из приведенных контекстов и как показывают результаты опроса информантов, а также по данным Барнхарта [BDNE-II, 266], прагматическое значение данного ЛСВ предписывает его употребление в рамках ситуаций неформального общения.

Итак, можно говорить о том, что каждый новый ЛСВ слова имеет прагматический потенциал, предписывающий ему адекватное употребление в различных ситуациях общения. При этом определенные

типы ЛСВ, например предикатные, отличаются общностью прагматических компонентов эмоционала, кодирующих такие параметры ситуации общения, как намерение говорящего (в данном случае дать оценку) и тональность ситуации (в частности, неформальную).

Появление нового ЛСВ в семантической структуре слова меняет (расширяет) прагматический потенциал всей лексемы.

Ответив на один из поставленных выше вопросов, а именно, каким образом изменения в семантике связаны с изменениями в прагматическом потенциале всей лексемы, мы попытаемся перейти к рассмотрению вопроса о том, как изменения в употреблении слова связаны с расширением его семантической структуры.

Новые значения могут развиваться у слова вследствие его употребления в необычной для него функции--в новом функциональном стиле, в новой социальной ситуации. Слово приобретает новый оттенок значения, который затем оформляется в новый лексико-семантический вариант этого слова. Происходят изменения в семантической структуре как всей лексемы, так и в отдельном лексико-семантическом варианте.

Иными словами, лексические единицы проявляют прагматическую мобильность, мигрируют из общепотребительной лексики в определенный функциональный стиль--в социолект и жаргон определенной социопрофессиональной группы и наоборот: из одного социолекта (жаргона) в другой. Таким образом, семантические неологизмы могут возникнуть в результате прагматической вариативности лексики.

Прагматическая вариативность соотносится с несколькими подвидами вариативности:

- а) с социальным варьированием [Labov, 1966. Швейцер, 1983];
- б) с пространственным (или территориальным) варьированием [Ярцева, 1977];
- в) с функционально-стилистическим и г) с жанрово-стилистическим [Гухман, 1977, б].

Одна и та же лексема может по-разному реализоваться в различных ситуациях общения представителями различных социально-профессиональных групп. Варьирование слова на прагматическом уровне связано с его семантической вариативностью.

Рассмотрим взаимодействие семантической и прагматической вариативности в аспекте двух линий социальной дифференциации языка. По линии ситуативной вариативности происходит прежде всего варьирование на уровне функциональных стилей, поскольку социальным коррелятом функционального стиля является сфера коммуникативной деятельности, понятие, выводимое из социальной ситуации коммуникативного акта [Швейцер, 1983, 100].

Функциональная вариативность происходит по двум диалектически взаимосвязанным направлениям: дифференциация языка и его интеграция. По линии дифференциации идет процесс терминологизации общепотребительной лексики. На семантическом уровне терминологизация коррелирует с сужением значения. Так, широко употребительные слова *charm*, *colour*, *truth*, *beauty* приобрели терминологические значения в ядерной физике (качества элементарных частиц кварков).

Заслуживает внимания тот факт, что в акте первичного «крещения» нового качества элементарных частиц словом *charm* ведущую роль сыграло психологическое состояние американских физиков Шелдона Глазгоу и Джеймса Бджоркена, которые открыли это качество. Они были очарованы той симметрией, которую открытое ими качество принесло в мир элементарных частиц. Другие, открытые позднее, качества были названы по аналогии с *charm*. Данные примеры наглядно демонстрируют роль прагматических факторов в процессах номинации (в данном случае вторичной), а также роль случайных, ассоциативных, личностных мотивов, лежащих в основе акта именованья.

Иногда терминологизация идет путем метафорического переноса. В этом случае происходит замена дифференциальных сем исходного общелитературного значения на дифференциальные семы нового значения при наличии одной общей семы» служащей основанием для переноса. Так, в генетике произошла терминологизация через метафору таких широко употребительных слов, как *sentence*, *word*, *synonym* (для обозначения различных последовательностей нуклеотидов). Базой для метафорического переноса послужила аналогия между генетическим кодом и алфавитом.

В силу богатого семантического потенциала эти же слова (*sentence*, *word*) употребляются в компьютерной технике для обозначения единиц информации. Таким образом, наблюдается тенденция к терминологической омонимии.

Химики употребляют слово *analogue* (*synthetic chemical substance similar in function to a natural chemical*); в психологию мигрировало слово *flooding*, где оно 'закрепилось в новом значении *a method of treating a phobia by controlled exposure of the patient to the cause*.

Функциональная вариативность по оппозиции научный стиль vs общелитературный стиль может происходить в обратном направлении - по линии детерминологизации. Данный процесс отличается большей активностью

на современном этапе развития английского языка по сравнению с терминологизацией, что объясняется возросшей ролью средств массовой информации в процессе популяризации слов из различных терминосистем. На семантическом уровне детерминологизация коррелирует с расширением значения.

Так, слово *scenario* из театральной сферы через кино и телевидение вошло в общее употребление в значении *any plan, scheme or supposition*. Из военного лексикона в общее употребление вошел термин *low profile* (1) *a deliberately low-keyed or understated attitude or position; a restrained, inconspicuous stance*; 2) *a person who shows or cultivates a low profile*). Данное слово часто употребляется в журналистике Англии и США для описания деятельности правительства. Например:

We now have a Government of low profiles, grey men, who represent no identifiable place, no religion, no programme.

Из ракетной терминологии в общее употребление вошло слово *burnout* (*total and incapacitating exhaustion*). Например:

high rate of teacher burnout.
Many report lawyer burnout after two or three years in practice.
A snipe posted on a wood fence near my Washington office warns of "burnout", an occupational ailment complained about by frustrated or exhausted government employees.

Иногда при детерминологизации имеет место процесс энантиосемии (как по линии денотации, так и по линии коннотации). Так, слово *clinical*, несущее ассоциации сопереживания, соучастия врача у постели больного, проникло в широкое употребление в значении «холодный, расчетливый». Например:

Trade statistics are studied *clinically*, crimes are solved *clinically*, football sides are even said to be destroyed *clinically*.

Таким образом, детерминологизация подтверждает тенденцию к интеграции языковых единиц из различных пластов лексики на базе общелитературного стандарта. Значительную роль в этом процессе играют средства массовой коммуникации.

В аспекте ситуативной вариативности наблюдается также миграция лексики из сленгового слоя в слой лексики общелитературного стандарта, употребляющейся в ситуациях неформального общения.

Сленговая лексика может быть рассмотрена как по стратификационной линии, так и в аспекте ситуативной вариативности. Как справедливо отмечает К.А. Долинин, в аспекте стратификационной вариативности сленг можно рассматривать как язык малообразованных людей. В этом случае его употребление является нейтральным. Сленговая лексика выступает в качестве системы номинативных средств. По линии ситуативной вариативности сленг рассматривается в системе экспрессивных средств языка [Долинин, 1987], когда его употребление носителем доминирующей культуры диктуется намерением достичь определенного эффекта воздействия на слушающего.

Проверка семантических неологизмов по словарю двух тысяч наиболее употребительных слов английского языка [COBUILD, 1986] показала, что:

- 1) около 60% всех новых значений вошли в две тысячи наиболее употребительных единиц;
- 2) почти все ЛСВ, имеющие в словарях Барнхарта и Берчфильда помету *slang*, в словаре COBUILD помечены *informal*. К таким словам относятся упомянутые выше *bird* (an attractive girl or woman), *drag*, *needle* (a sarcastic remark), *funky*, *wart* (imperfection), *freak*, *speed*, *add*, *cool*, *hang-up*, *vegetable* и т.д. Данные словаря совпали с результатами опроса информантов, проведенного нами в 1983 и 1988 гг. в Великобритании и США. Очевидно, можно говорить о тенденции ускоренного движения лексики с периферии в центр лексической системы.

Описанная выше прагматическая вариативность относится к ситуативному типу (по горизонтали). Для целей нашего анализа представляется релевантным рассмотреть стратификационную вариативность, учитывающую изменения в социальной структуре общества. Речь идет о взаимодействии между общеупотребительной лексикой и социолектом--лингвистическим вариантом, определяемым на основе социальных параметров (в противоположность региональным), коррелирующим с определенным социальным классом (группой) или профессиональной группой [Crystal, 1985, 324]. По мнению В.А. Хомякова, социальные диалекты входят в социально-профессиональное просторечие, которое непосредственно противопоставит литературному стандарту, экспрессивному просторечию и территориальным диалектам. Социально-профессиональное просторечие включает в себя все профессиональные и корпоративные жаргоны, различные арготизмы (кент) деклассированных групп [Хомяков, 1988, 48]. Происходит миграция общеупотребительных слов в новые профессиональные жаргоны и в новые социолекты в связи с появлением новых малых групп (неформальных объединений).

Так, в 70-е годы Америку захватила волна радиолобительства с целью местной коммуникации при помощи

шкалы определенной частоты. Особенно широкое распространение это явление получило среди автолюбителей и профессиональных водителей. Появились новые термины: CB (citizen band) (a band of frequency for local communication) и CB-er (an owner or operator of CB radio). В данном социолекте закрепились такие общеупотребительные слова, как

apple U.S. *sl* (a citizen band radio operator);
ears *sl* (a radio set);
hammer *sl* (an accelerator);
boots *sl* (an illegal linear amplifier connected to a citizen band radio to boost transmission);
barefoot (within legal limits of CB radio transmission power).

Важно, что связь между социолектом и литературным языком носит не односторонний, а диалектический характер. Многие термины социолекта совершают обратную миграцию в общелитературный пласт. Происходит «диффузия» субкультуры, ее язык может распространяться на другие периферийные пласты и в стандартный язык. Как показали результаты тестов с носителями языка, многие слова социолектов джазовых музыкантов, радиолюбителей, наркоманов (возникшие в результате прагматической вариативности) вернулись в стандартный язык в своих социолектных значениях. Так, из социолекта наркоманов в общее употребление вошли новые ЛСВ таких слов, как

speed (a stimulant drug),
acid (the hallucinogenic drug LSD),
acid trip (a hallucinatory experience resulting from taking LSD).

Из социолекта джазовых музыкантов-негров в общее употребление вошли такие слова неформального общения, как

to badmouth (to disparage),
nitty-gritty (practical details),
cool (self-control), особенно часто встречающиеся в выражениях:
to get down to nitty-gritties,
to lose one's cool,
to blow one's cool.

Одним из самых ярких примеров данного типа является the Apple или the Big Apple (a nickname for New York City), вошедшее в общее употребление из социолекта негров-джазистов, которое они использовали, начиная с 30-х годов, в значении a big city, esp. in the north.

На переходной стадии из социолекта джазовых музыкантов в общеупотребительный сленг находятся такие слова, как bad (в значении good) и dozen (a context of exchanging insults directed against relatives), в свое время развившие новые ЛСВ в результате прагматической вариативности.

Слово bad в этом значении широко употреблялось джазовыми музыкантами-неграми в 50-х годах. По мнению Барнхарта, это было связано со стремлением музыкантов скрыть от аутсайдеров прямое выражение одобрения. Африканист Дэвид Дэлби связывает происхождение данного значения со спецификой африканских языков, в которых часто для описания крайних степеней положительного употребляются слова с отрицательным значением. По данным словаря Барнхарта [BDNE-II] и словаря сленга [Charman, 1987], bad вошло в общий сленг, однако по результатам опроса информантов оно еще сохраняет в себе сильные ассоциации с негритянской культурой.

Многие слова воспринимаются как новые в силу того, что они незнакомы носителям нормированной речи, хотя они могут давно существовать в языке определенной группы. Когда же доминирующая культура после определенного периода времени больше не находит слово полезным, оно может вернуться в языковой пласт-источник или перейти в другой периферийный пласт в том же или новом значении.

Взаимодействие между общеупотребительной лексикой и жаргоном менее разнообразно. Здесь преимущественно преобладает движение из общестандартного ядра на периферию (или из одного жаргона в другой). Обратное обогащение менее характерно для современного английского языка. Так, слово host обязано появлением в его семантической структуре нового ЛСВ специалистам, работающим с компьютерами: a computer used simultaneously by various operators at different terminals; multiple-access computer. Например:

The example is the situation where a central computer -- a *host* in the current jargon -- wishes to communicate with a variety of different types of terminal.

Богатым потенциалом в аспекте прагматической вариативности отличается упоминавшееся ранее слово box. (См. раздел «[Классификация новой лексики](#)».) В жаргоне пользователей компьютерами слово приобрело значение an electronic computer, в жаргоне работников медицинской сферы to box (в данном случае имеет место конверсия по модели N V.) имеет значение to die. Например:

"Any action in 612?" "Yeah. He *boxed* around midnight."

Иногда слово проходит несколько стадий прагматической вариативности. Так, слово *glitch*, заимствованное в 1962 г. из идиш в значении *a sudden mishap or malfunction*, мигрировало из общеупотребительного пласта в жаргон астронавтов в двух значениях: 1) *an operating defect*; 2) *a sudden change in rotation of a celestial body, especially a pulsar*. В 80-е годы оно проявило дальнейшую прагматическую вариативность и стало использоваться в компьютерном жаргоне (*a sudden interruption of electrical supply, program function*).

Слово *feed-back* из компьютерного жаргона (*the portion of output fed back to the input in an automatic control circuit or system*) мигрировало в общеупотребительный пласт, развив новый ЛСВ *response, esp. information and opinion* через жаргон работников бюрократического аппарата.

Таким образом, можно говорить о сложном диалектическом взаимодействии прагматики и семантики в аспекте стратификационной вариативности. Слово, будучи употребленным носителем иного социолекта или жаргона, приобретает новое значение. В его семантической структуре появляется новый ЛСВ, прагматически закрепленный за конкретным социолектом (жаргоном). Затем через некоторое время в силу дальнейшего прагматического варьирования данный ЛСВ может войти в общеупотребительный пласт лексики, изменив при этом свою прагматическую маркированность. Иными словами, новый ЛСВ слова, появившийся в результате прагматической вариативности, расширяет семантическую структуру и прагматический потенциал всей лексемы в целом. Прагматическое варьирование возможно и на уровне отдельного ЛСВ. Речь идет о тех ЛСВ, которые имеют амбивалентную прагматическую оценку (т.е. знак оценки этих ЛСВ варьирует в зависимости от позиции адресанта), иначе говоря, речь идет о единицах, зависимых от социума.

В зависимости от того, кто употребляет социолектную форму--носитель социолекта или представитель доминирующей культуры,--социально маркированный амбивалентный ЛСВ будет иметь положительную или отрицательную оценку.

Внутри группы оценка носит положительный характер, вне группы-- отрицательный, что связано с «дивергенцией словесных знаков» [Швейцер, 1977, 96 -97], которая в свою очередь определяется расхождением социальных ценностей и установок различных социальных групп. Так, как показали тесты с носителями языка, упоминавшееся выше слово *freak*, а также *drop-out* (*a person who has dropped out from conventional society*) с позиций «вне группы» воспринимаются отрицательно; с позиции «внутри группы» подобные единицы несут положительную оценку. На уровне глубинных семантических процессов подобная амбивалентность соотносится с энантиосемией. С точки зрения семантики, амбивалентностью отличаются, как правило, предикатные (характеризующие) ЛСВ.

Однако не все социолектные формы и жаргонизмы по своей природе являются предикатными именами. Среди них значительную долю составляют идентифицирующие единицы, которые представляют собой систему номинативных средств. Например, *slam dance* (*a type of punk-rock dance involving the energetic crashing of one pair of dancers into another pair*), а также упомянутые выше *bovver boot*, *red cherry* внутри группы панков, выполняют чисто идентифицирующую функцию, т.е. имеют нейтральную оценку. За пределами группы эти единицы воспринимаются отрицательно.

Таким образом, социолектные формы и частично жаргонизмы проявляют прагматическую вариативность как на уровне всей лексемы, так и на уровне отдельного значения. Однако отмеченная выше амбивалентность характерна не только для семантических инноваций, но и для других разрядов новой лексики, в частности, морфологических неологизмов.

Так, один из немногих неологизмов 80-х годов, образованных при помощи суффикса *-nik*, значительно снизившего свою активность по сравнению с 60-ми и 70-ми годами, является слово *Wapping* (*a journalist, employed by News International who has refused to cross the print union's picket line to work at the company's new plant in Wapping*). Слово ограничено в употреблении по территориальному параметру Британскими островами; по профессиональному-- журналистскими кругами, по линии ситуативной вариативности-- рамками неформального общения. Из примера, приведенного ниже, с очевидностью явствует положительная прагматическая оценка с позиции «внутри группы»:

The *Wappingniks* are treated with respect and sympathy by other journalists.

С другой стороны, как указывалось выше, суффикс *-nik* несет уничижительное значение, и с позиции "вне группы" данное слово воспринимается резко отрицательно.

Анализ взаимодействия семантической и прагматической вариативности позволяет говорить о возможности деления всей новой лексики на амбивалентные и моновалентные единицы. Оценка первых зависит от социума, оценка вторых не зависит от социума и создает либо только положительный прагматический эффект в высказывании, либо только отрицательный.

В результате взаимодействия прагматической и семантической вариативности появляются новые лексические единицы, т.е. единицы, несущие коннотации новизны. Иными словами, имеет место временная

вариативность. Таким образом, можно говорить о наличии в языке системы различных видов варьирования, диалектически связанных между собой.

§ 6. Прагматика и семантика новой эвфемической лексики

Благодатный материал для обоснования концепции взаимодействия прагматики и семантики лексических единиц представляют собой эвфемизмы.

В данном разделе речь пойдет об эвфемизмах, появившихся в английском языке в 70-80-е годы. Об эвфемизмах 60 - начала 70-х годов см.[Кацев, 1987].

Эвфемизм (антифразия) -- троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления [Ахманова, 1968, 521] -- возникает по ряду прагматических причин (вежливость, деликатность, щепитильность, благопристойность, стремление завуалировать негативную сущность отдельных явлений действительности). В данном случае действует один из основных принципов прагматики--принцип вежливости [Grice, 1975,1981; Leech, 1985].

Эвфемизмы, созданные по данному принципу, как правило, смягчают различные виды дискриминации, например, возрастную.

См. в этой связи новые лексические единицы *ageism* (discrimination of age), *gerontophobia* (fear, dislike, or hatred of old age or old people).

A few years ago the great intellectual enemy of the movement was called *gerontophobia*--fear of aging, loathing of the aged. The target has shifted from *gerontophobia* to *ageism*... *Gerontophobia* could be inflicted only upon the old. *Ageism*, on the other hand, is a social prejudice against people of any age. Just as whites might be victims of black racism, and men may sometimes be the objects of female chauvinism so young people can be (in early America actually were) targets of *ageism* too.

С тем чтобы не обидеть людей почтенного возраста, в языке последних десятилетий появилось слово *middlescense* (период жизни от 40 до 65 лет) по аналогии с *adolescence*. Период жизни с 65 лет и далее стали называть *third age*. На официальных табличках в транспорте, в объявлениях, в музеях и местах общественного пользования широко употребляется эвфемизм *senior citizen*.

В ситуациях неформального общения широко употребляется *golden ager* по отношению к человеку пожилого возраста, находящемуся на пенсии (ср.: *silver ager* человек среднего возраста) [Safire, 1984, 172].

С точки зрения прагматики заслуживает внимания реакция людей преклонного возраста на данные эвфемизмы. Так, в одном из журналов был помещен сатирический ответ пожилого человека, обращенный к работникам средств массовой информации:

"Call me Gramps, call me an old foggy--call me anything except a *senior citizen*."

Аналогичную отрицательную реакцию вызвал у людей пожилого возраста эвфемизм *geezer*. В прошлом веке эта диалектная форма от *guiser* (one dressed in the guise of a mummer) имела значение *old person, particularly a woman*; с годами у слова появились коннотации эксцентричности (которые впоследствии частично утратились), и оно, изменив свою прагматику по параметру пола, стало употребляться по отношению к мужчинам. Данная единица часто употребляется в словосочетании *geezer power*, по аналогии с *gray power* (the power of the elderly to assert their rights), которое в свою очередь появилось в 70-е годы по образцу *black power* (power of the black people). Ср. в этой связи *Gray Panther* (a member of an organization promoting the interests of the elderly in America).

Однако, как показали результаты опроса информантов. *Gray Panther* и *gray power* являются моновалентными единицами и несут положительную оценку независимо от того, кто употребляет их -- пожилой или молодой человек. В отличие от них *geezer power* является амбивалентной единицей, зависящей от социума: с позиции «внутри группы», т.е. с точки зрения пожилых людей, слово несет отрицательные коннотации; с позиции «вне группы» оно нейтрально.

Проиллюстрируем сказанное отрывками из писем пожилых людей, присланных в редакцию журнала:

"I resent being referred to by a punk as an *old geezer*. Don't get on my way."

Или:

"If I choose to join groups which will help me collect what I have assumed to be due me for the last forty-five years, I do not wish to be considered part of *geezer power*."

Ср. также:

"As chair of the New York *Gray Panthers*' Economic Task Force and a member of the New York Congress of Senior Citizens I want to express my resentment at William Satire's recent snide reference to what he calls 'geezer power'."

С позиции человека, еще не причисляющего себя к пожилому возрасту, слово может нести не только нейтральные, но и положительные коннотации. Например:

I like the word "*geezer*".

Приведенные выше новые единицы прагматически отличаются друг от друга и в аспекте ситуативной вариативности. *Geezer power* употребляется в ситуациях неформального общения, в то время как *Gray Panther*, *gray power* ограничены рамками официальных ситуаций, в том числе и заседаниями Конгресса. Например:

Consider the *gray power* reflected in the congressional bill banning mandatory retirement at sixty-five.

Associations are being spawned in great profusion by the age movement today. They range from cultural and political and economic organizations of high sophistication to basement centers where "senior citizens" in rocking chairs listen to Lawrence Welk and make macaroni jewelry. The *Gray Panthers* rage against those places as "geriatric playpens "

Age is yet another denominator. The group awareness of senior citizens- "*Gray Power*"--is a considerable phenomenon in Florida, Arizona and California. At the other end of the age chart, more and more legal rights are being defined for children,

Для смягчения имущественной дискриминации появилось слово *disadvantaged* (для обозначения бедных). Для смягчения расовой дискриминации вместо слова *black* употребляются *coloured* или *non-white*.

Принцип вежливости лежит в основе образования новых эвфемизмов, скрывающих физические или умственные недостатки (*cripple* заменяется на эвфемизм *handicapped*). Так, умственно отсталых людей называют *learning disable*, *special* (слово *retarded*, которое в данный период является прямой номинацией, в свое время было эвфемизмом для *slow* и *backward*); отстающих студентов-*underachievers*; людей, страдающих частичной потерей слуха-*hearing impaired*; людей, страдающих речевыми расстройствами, называют *speech-impaired*. На смену *insane asylum* больница для душевнобольных пришло *mental hospital*.

Второй слой эвфемистической лексики включает явления смерти и суеверный страх перед какими-либо явлениями. Главный прагматический принцип, действующий в данной группе, может быть определен как принцип табуирования. Например, *moon-child* человек, рожденный под созвездием Рака (21 июня--21 июля) заменило слово *cancer*, вызывающее ассоциации с болезнью; *hospice*, первоначально имевшее значение *a guest house for the poor, the sick, etc.*, стало применяться по отношению к институту по уходу за умирающими людьми. Например:

From Britain has come the idea of the *hospice*, an in-patient facility specially designed for the dying: cheerful, homelike, full of plants and families (including young children). There are about thirty such places in Britain now but the idea has been slower to take root in the United States. The *hospice* in New Haven, for instance, has been in operation with a home-care program for more than two years.

Чтобы уменьшить страх перед смертью, католическая церковь заменила фразу *extreme unction*, предполагающую нахождение *in extremis* на грани смерти фразой *anointing of the sick*; слово *penance* страх возмездия заменено на *rite of reconciliation*, *confessional* исповедальня-на *room of reconciliation* [BDNE-II, 181]. Однако данная группа эвфемизмов немногочисленна в современном английском языке.

В эвфемистической лексике последних десятилетий заметно усилилась тенденция к образованию новых единиц, поднимающих престиж отдельных профессий. Так, парикмахера как мужского, так и женского, в 60-е годы стали называть *hair stylist*, в 80-е годы этот эвфемизм "стал употребляться только по отношению к мужчинам, женский парикмахер остался *hairdresser*. Иногда применительно к людям этой профессии употребляют слово *hairologist*. Однако данный эвфемизм прагматически маркирован по территориальному параметру и употребляется только в американском варианте. Например:

Fancier shops now boast resident *hairologists* whose only mission is to prescribe the proper natural treatment and conditioning for follicles.

Стюардессы и стюарды на авиалиниях (stewards, stewardesses, hostesses) стали называться night attendants (данный эвфемизм, как указывалось в разделе «Картина мира и ее лексическая фиксация», обязан своим появлением борьбе с дискриминацией женских форм в английском языке.). Служащие кладбища традиционно были известны как undertakers, в последние годы их стали называть сначала morticians, а затем funeral directors. В 60-е годы сборщик мусора (a garbage collector) стал называться sanitation-man, а чуть позднее--sanitation engineer.

Самая большая подгруппа эвфемистической лексики--эвфемизмы, отвлекающие внимание от негативных явлений действительности (преступность, наркомания, агрессивная политика и тд.). Например, в кругах, связанных с преступностью, появляются эвфемизмы

client (a person viewed euphemistically as a subject of regulation by a government agency or public authority);
adjustment center (a part of a prison where intractable and often mentally deranged inmates are kept in solitary confinement);
correctional facilities (a prison);
correctional officer (a prison guard);
community home (a reform school);
godfather, don (the head of Mafia family or other group involved in organized crime).

Все новые эвфемизмы этой сферы ограничены в употреблении по территориальному параметру рамками США, за исключением community home, который употребляется исключительно на Британских островах. Данный эвфемизм в 70-е годы заменил существовавший ранее approved school, который, в свою очередь, в 30-е годы пришел на смену reformatory. Например:

One of the most controversial innovations of the 1969 Act was the care order under which the local authority can put children into *community homes*.

В сфере политики для прикрытия агрессивных военных действий используются эвфемизмы:

trouble (the troubles) (the riots, bombing, and continued violence in Northern Ireland during the 70s);

protective reaction (a bombing raid on an enemy target conducted in self-defence or retaliation (but about which there's nothing protective or defensive));

surgical strike (a swift military attack, especially a limited air attack);

device (a bomb); *body-count* (numbers killed in the combat).

Три последние единицы возникли в языке во время войны во Вьетнаме.

Для смягчения неприглядной деятельности секретных служб используются эвфемизмы:

to destabilize (to render a foreign government unstable or incapable of functioning);

family jewels (shameful secrets);

skeleton in the closet, applied to various underhanded activities or operations).

Для обозначения бездомных в американском варианте 70-х годов появилось словосочетание shopping-bag lady (a vagrant, homeless, and often elderly woman who roams a city carrying her possessions in a shopping bag or bags). В американском варианте существует еще один эвфемизм для обозначения бездомных--street person, однако его употребление ограничено ситуациями официального общения, как правило, письменным стилем. Например:

An elderly man who roamed the streets with a shopping cart full of tin cans and bottles was beaten to death by another "street person" as hundreds of vagrants waiting for hot meal looked on.

В 80-е годы появился еще один стилистический эвфемизм, дополняющий синонимический ряд, обозначающий бездомных. Речь идет о сленговом слове skell (По мнению У. Сэфайэра, skell является усечением от skellum (a rascal or thief), слово созвучно skelder (to beg on the streets), впервые использованное в печати Беном Джонсоном в 1599 г. после выхода из тюрьмы, где он отбывал срок за убийство человека на дуэли. Возможно, слово было заимствовано им из тюремного аргю.). Например:

While some New Yorkers seldom use the subway, others live there. The police call such people "skells" and are seldom harsh with them.

Для смягчения разницы в уровнях экономического развития стран и отдельных районов употребляется такой эвфемизм, как Fourth World (the world's poorest and most underdeveloped countries in Africa, Asia and Latin America).

Употребление эвфемизмов в области политики направлено на достижение буржуазной прессой положительного пропагандистского эффекта. Идеологическая позиция адресанта предопределяет и «заданность» прагматических свойств языка на воздействие. Что касается прессы, например буржуазной, в ней любой индивидуальный акт высказывания содержит некоторый субъективно-оценочный момент, характеризующийся интенциональностью, преднамеренностью выбора средств выражения, прогнозированием прагматического эффекта высказывания [Стриженко, 1983, 149].

В этом свете эвфемизмы представляют собой тот слой лексики, в котором регулятивные прагматические свойства заданы уже в самой системе языка. Использование эвфемизмов помогает создавать буржуазной прессе языковую иллюзию оправдания непопулярной политики.

Что же служит семантической базой для создания желаемого прагматического эффекта высказывания?

Напомним, что между прагматикой и семантикой существует сложная диалектическая связь, своеобразная диффузия. Так, в понимании Дж. Лича семантика подразумевает смысл, прагматика--силу (воздействующую). С одной стороны, сила включает смысл, с другой стороны, она сама прагматически производив от смысла [Leech, 1985, 17].

С точки зрения семантики, в основе образования эвфемизмов лежит завышение имени по сравнению с понятием. Говорящий как бы усиливает положительный эффект, т.е. создает несоответствие между именем и понятием, в результате чего имя становится в оценочном отношении выше, чем понятие. Косвенность обозначения - главное отличительное свойство эвфемии - в психологическом плане выражается в установлении ассоциативных связей между денотатом, прямое обозначение которого табуируется (direct denotatum), и денотатом, с которым создается ассоциация (associative denotatum). Наличие последнего--обязательное условие эвфемии [Кацев, 1981, 140- 148].

Таким образом, информативная двуплановость эвфемизмов служит прекрасной семантической базой для достижения желаемого прагматического эффекта высказывания, для реализации прагматической установки на воздействие.

Положительная или нейтральная семантика исходного значения слова, а именно его импликационал, задает определенный положительный прагматический эффект всего высказывания, в котором употребляется эвфемизм. Например, слово homeland (any of various regions of South Africa set aside by the Republic of South Africa as separate tribal Bantustan states (extended from the original sense "one's native land")) было выбрано правительством белых в ЮАР вместо расистски окрашенного Bantustan для обозначения территорий, населенных банту. Базой для мелиоративного прагматического эффекта служат положительные ассоциации, связанные со словом home у туземного населения. Ср.:

The second of South Africa's nine tribal *homelands* to be granted independence Bophutha Tswana is not recognized by any country in the world except South Africa and another *homeland*, Transkei, which became independent last year.

Парадоксальной чертой эвфемизмов является то, что несмотря на положительный эффект в высказывании, с точки зрения внутренней структуры значения слова, выступающего в качестве эвфемизма, имеет место противоположный процесс--процесс пейорации. Особенно наглядно это проявляется на примере эвфемизмов--новых значений нейтральных слов. С точки зрения изменений в денотативном аспекте преобладает сужение значения. Так, в словах pot, herb, grass, smoke, развивших в своей семантической структуре новые ЛСВ--matjuaana, произошло перераспределение сем. К исходным значениям этих слов добавился компонент «наркотическое вещество». Одновременно в эмоционале значений этих нейтральных слов индуцируется отрицательная нормативно-этическая оценка. (Ср. в этой связи слова smack, horse, jones, brown sugar, skag, в семантической структуре которых появилось значение heroin; ср, также toot -- cocaine.) Большинство данных эвфемизмов ограничено территориально рамками США, социолектом наркоманов.

Менее характерно образование новых эвфемизмов через метафору и метонимию. Например: south--the less industrialized technically and economically advanced countries of the world, so called because most of the less industrialized countries lie in the southern latitudes.

Анализ факторов, определяющих способность слова к эвфемизации, показал, что среди них ведущую роль играет принадлежность к лексико-семантической группе. Среди эвфемизмов преобладают отвлеченные существительные. Абстрактность значения создает у слушающего (читающего) максимально неопределенное--или по крайней мере нейтральное--впечатление о денотате. Например, во время войны во

Вьетнаме американские политики открыли успокаивающий прагматический эффект слов pacification (destruction of an area to eliminate guerilla activity), defoliation (chemical stripping of leaves from foliage as military tactic, ср. приведенное выше trouble).

Вторым параметром, релевантным для определения способности слова к эвфемизации, является широта семантической структуры слова. Чем многозначнее слово, тем выше его эвфемистический потенциал. Широкая семантическая структура слова служит своеобразной вуалью, прикрывающей неприятную сущность явления. Например: hit (*underworld sl*) -- a planned murder esp. one carried out by a mobster; contract (*underworld sl*) --an assignment to kill someone for pay.

Среди новых эвфемизмов политической сферы значительное место занимают словосочетания. В этом случае положительный прагматический эффект высказывания достигается за счет положительной семантики слов, входящих в них.

В словосочетании soft-skinned targets, появившемся во время войны на Фолклендах и обозначающем живые мишени для разрывных бомб, «смягчающий» прагматический эффект создается за счет семантики прилагательного soft.

В 70-е годы фраза protective reaction strike употреблялась противниками войны во Вьетнаме как ироничный эвфемизм. Например:

And, of course, Vietnam was the great source of that kind of thing. Bombing, bombing, why do you always say bombing? One of the military men was heard saying "These're *protective reaction strike*."

A secret Air Force investigation concluded that the Commander of the Seventh Air Force, Gen. Tohn D. Lavelle, had ordered at least 28 unauthorized raids into North Vietnam and later reported them as *protective reaction* -- a defensive action.

Успокаивающий прагматический эффект данного эвфемизма создается за счет семантики слова protective.

Слово strike проявляет достаточно большую активность при образовании эвфемизмов политической сферы. Так, в 70-е годы стало широко употребляться новообразование surgical strike. Например:

This electronic super technology lends itself to a specific type of offensive called "*surgical strike*". In a *surgical strike* you wipe out your target with great precision avoiding any damage to nearby non-military installations.

В данном случае положительный прагматический эффект достигается за счет импликационала исходного значения слова surgical, несущего положительные ассоциации. Об успокаивающем эффекте данного эвфемизма можно также судить по следующему контексту:

Even the language of the bureaucracy--the diminutive "nukes" for instruments that kill and mutilate millions of human beings, the "*surgical strike*" for chasing and mowing down peasants from the air by spraying them with 8,000 bullets a minute-takes the mystery, awe, and pain out of violence.

Таким образом, образование новой эвфемистической лексики в области политики диктуется прагматическим принципом регулятивного воздействия на аудиторию.

Положительный перлокутивный эффект высказывания с эвфемизмами определяется особенностями исходной положительной семантики слова, преимущественно его импликационалом и эмоционалом.

Особого внимания заслуживают эвфемизмы социолектов.

Ср. с эвфемизмами социальных жаргонов, о которых пишет Б.А. Ларин [1961].

Их образование диктуется прагматическим намерением носителей данного социолекта засекретить свою деятельность от аутсайдеров. Так, в последние десятилетия, как указывалось выше, в английском языке появилось около 50 новых слов и значений называющих наркоманов, наркотики и действия, связанные с ними. Например:

trippy, spaced - stupified or dazed by a narcotic;

sunshine pill - a yellow or orange tablet containing the hallucinogenic drug LSD

В социолекте мобстеров (гангстеров) появляются указанные выше contract, hit, to ice:

"There's one thing I haven't told you," Jones says, cupping his hands around a cigarette. "I don't know if it should be in the story... I've done some hits - you know, a contract. It was right after I got out of prison, and I needed some bread."

Несмотря на то, что подобные новые единицы ограничены в употреблении рамками конкретного социолекта, в последнее время они становятся общеизвестными в связи с широким освещением средствами массовой информации борьбы с асоциальными явлениями.

Если эвфемизм употребляется вне группы, в высказывании, как правило, присутствует прагматический сигнал, указывающий на конкретный социолект, в котором он обычно употребляется. Соответственно, прагматический эффект имеет отрицательное воздействие в отличие от успокаивающего эффекта тех же эвфемизмов в речи, например, мобстеров (см. приведенный выше пример). Ср.:

Federal officials revealed talk among *mobsters* about the contract on Galante.

Или:

Indeed, *mob sources* have been saying that Nunziata's death was "*a hit*", ordered by the Gambinos because they feased the detective night talk about the heroin thefts.

Ср. также:

Some policemen believe that a West End mobster named Lucky has put a *contract* out for savard. Inspector Jean Claude Roudou in charge of the Montreal Urban Community police force's criminal investigation bureau doubts it.

Таким образом, выход эвфемизма за пределы социолекта, как правило, преступного аргю, меняет его прагматику. При этом происходит частичная потеря эвфемистического эффекта, т.е. положительного, смягчающего. Миграция эвфемизма предполагает определенную продолжительность употребления. А как известно, со временем эвфемизм теряет свое свойство заменителя и приобретает статус прямого наименования того неприятного объекта или явления, которые он первоначально завуалировал.

Ср. в этой связи: «Эвфемизм недолговечен. Существенным условием действенности эвфемизма является наличие «грубого», недопустимого эквивалента. Как только это подразумеваемое неудобнопроизносимое выражение выходит из употребления, эвфемизм теряет свои облагораживающие свойства, так как переходит в разряд прямых наименований и тогда требует новой замены» [Ларин, 1961].

Итак, эвфемизмы появляются и языке по ряду прагматических причин:

- 1) из принципа вежливости (при создании эвфемизмов, смягчающих различные виды физических и умственных недостатков);
- 2) в силу принципа табуирования (при образовании эвфемистических замен прямых наименований явлений болезней и смерти);
- 3) в силу регулятивного принципа воздействия на массового читателя (при создании эвфемизмов в политической области);
- 4) из прагматической установки засекретить свою деятельность (при создании эвфемизмов внутри социолектов различных нелегальных групп).

Среди подвергающихся эвфемии слов преобладают лексемы с отвлеченной семантикой, формирующие у читателя максимально нейтральное, неопределенное представление о денотате. Широта семантики создает вуаль, прикрывающую негативную сущность явления, достигая этим желаемого прагматического эффекта. Между прагматикой и семантикой лексических единиц существует сложная диалектическая связь, своеобразная диффузия. Парадоксальной чертой эвфемизмов--семантических деривативов -- является противоречие между их положительной прагматикой в контексте и отрицательной семантикой в системе языка.

В результате прагматической вариативности (миграции эвфемизма за пределы социолекта) происходит потеря словом эвфемистического эффекта, оно становится прямым наименованием неприятного объекта или явления. Соответственно меняется прагматический эффект высказывания: вместо успокаивающего, мелиоративного он превращается в отрицательно воздействующий.

§ 7. Прагматическое значение нового слова и текст

Исследование прагматического аспекта нового слова с неизбежностью предполагает обращение к тексту.

Частично рассмотрев проблему взаимодействия прагматики слова с прагматикой текста в предыдущем параграфе, обратимся к более подробному рассмотрению данного процесса. Как указывалось выше, слово воплощает в себе единство мышления и коммуникации. Однако оно лишено коммуникативной самостоятельности. Самостоятельные коммуникативные действия осуществляют только языковые единицы от предложения и выше [Schmidt, 1981, 11]. «Уровни языка до предложения образуют его номинативную основу, уровень же его предложения -- высказывания и выше (текст) - образует его коммуникативную основу» [Колшанский, 1984, 41].

Мы понимаем текст как «относительно завершённый отрезок общения -- как единицу, структурированную и организованную по определенным правилам, несущую когнитивную информационную, психологическую и социальную нагрузку общения» [Колшанский 1984, 41]. Иными словами, под текстом понимается как письменный, так и устный отрезок общения.

Анализ взаимодействия прагматики нового слова с текстом требует ответа на следующие вопросы:

- 1) Как взаимодействует слово с единицами более высокого порядка в прагматическом аспекте?
- 2) Как соотносится процесс первичного введения нового слова в текст с процессом использования в тексте уже созданного нового слова? Какова роль прагматических факторов в этих двух процессах?
- 3) Чем отличается прагматика нового слова от прагматики канонической единицы? В какой мере след времени, зафиксированный в прагматической структуре нового слова, взаимосвязан с прагматическими свойствами текста?
- 4) Как соотносится прагматика нового слова с тезаурусом коммуникантов и с пресуппозициями общения?
- 5) Как происходит декодирование прагматической информации слова в контексте?

В данном разделе мы попытаемся лишь наметить возможные пути решения этих вопросов.

Будучи лишенным коммуникативной самостоятельности, слово входит в систему прагматически обусловленных зависимостей: текст - единица текста (предложение -- высказывание) -- компонент единицы текста (слово). Подобно грамматической маркированности, которая указывает на признаки вхождения слова в более высокий уровень организации языка (а именно, в предложение) [Колшанский, 1984, 89], можно вести речь о коммуникативно-прагматической маркированности слова, возникающей в результате давления со стороны единицы более высокого порядка--текста. Рассмотрим последовательно взаимодействие нового слова с единицами указанной системы прагматически обусловленных зависимостей.

Прагматика нового слова отличается от прагматики традиционной лексической единицы тем, что в прагматическом значении инновации отражается след времени. Иными словами, в прагматическом значении нового слова содержится временная коннотация новизны, которая создает внутреннюю рематичность новообразований. Будучи онтологически рематичными, они, как правило, входят в состав ремы или в рематичные сегменты высказывания (преимущественно, автосемантические).

Синтаксической автосемантией. вслед за Г.А. Вейхманом. мы считаем отсутствие. а синсемантией--наличие у сегмента обязательных внешних синтаксических, в том числе лексико-синтаксических и интонационных связей [Вейхман. 1977. 65]. В пределах автосемантического сегмента «напряжение» возникает и ликвидируется.

В процессе построения высказывания прагматика слова, как правило, не отражается эксплицитно, а присутствует имплицитно и обеспечивает правильное, удовлетворительное общение. Это прежде всего относится к прагматическим интенциональным и импликациональным компонентам. Особую роль в организации высказывания играют лексические единицы с прагматическими компонентами, закодированными в эмоционале значения, слова с «запрограммированным» эмоционально-экспрессивным эффектом (т.е. предикатные знаки, прагмемы). В данном случае прагматические элементы эксплицитны. Именно данные лексические единицы формулируют прагматический центр высказывания. В силу своей прагматической маркированности и наличия большой степени коммуникативного динамизма они коррелируют с прагматическим эффектом всего высказывания. Например:

I don't like public transportation, and driving back and forth every day is a *drag*. The traffic and the

travelling create tension, and who needs more tension.

Пафос всего высказывания выражен новым ЛСВ слова *drag*. Именно этот компонент создает отрицательный эмоциональный тон всего высказывания. Ср.:

Their work is a *drag*... a good deal of the time. What a drag it is getting old!

Попробуем проследить связь оценочной прагматики новых предикатных ЛСВ с актуальным членением предложения и соотнести эту связь с функционально-грамматической структурой предложения.

Для новых оценочных ЛСВ, входящих в рематичные сегменты высказывания, естественной в предложении является прежде всего предикативная позиция.

Исходя из того, что оценка -- это выводное, новое знание [Найдов. 1977], новые предикатные ЛСВ представляют собой слой новой лексики, отличающейся исключительно высокой степенью внутренней рематичности.

Например:

But, except for the big hits, the newer kinds of movies don't satisfy anybody... all the films released this summer have been box-office *bummers*. (*bummer*--disappointment, bad experience or occasion)

It's a *gas* to ride the buses, see all the mountains and the jack rabbits and road runners! (*gas*--great joy, delight)

... his (TonyJacklin's) bold put from 25 feet hit the back of cup, jumped up in the air, landed outside the cup, and toppled in. After that it was a *waltz*, (*waltz*--smth light)

The Projector (a play) was a marvellous *hoot*, it was a very elaborate parody but everybody thought it was a real thing.

Life is a *hoot*. (*hoot* -- smth hilariously funny)

He (Bob Refelson, a film director) and his partner Bert Schneider, put together the Monkees and their television program. It was a *shuck* but beautiful at its own level. (*shuck* -- fake; bluff)

I was the very model of a well-adjusted old *fink*, spending my working hours selling out and my leisure time up against the wall. (*fink*--any contemptible person)

All men are brothers, and if you don't give, you're a kind of *fink*.

Одной из разновидностей рематичных сегментов высказывания являются вторично-предикативные конструкции [Бродович, 1972]. Как позволяет судить наш материал, из всего многообразия вторично-предикативных структур прагматические ЛСВ преимущественно предпочитают объектно-предикативные.

О. Есперсен предлагает для объектно-предикативных конструкций термин *pexus object*, входящий как составная часть в широкое понятие отношения «носитель признака -- признак», независимо от способов его выражения в высказывании [Есперсен. 1958. 139].

Например:

He (Theophile Gautier) thought the cathedral (of Valencia) a big *yawn* after the marvels of Burgos and Seville and, like Swinburne, he was sickened by the ornamentation of the other churches.

Или:

I found the theatre a *groove* and a *gas*.

В подобных предложениях существуют два предикативных центра. Анализ функционирования прагматических ЛСВ в составе данных конструкций подтвердил существующее противоречие между их формально-синтаксической функцией и коммуникативной нагрузкой. Роль синтаксически доминирующего играет первый предикативный центр (He thought, I found). Однако с коммуникативной точки зрения доминирующим является второй центр, так как он является носителем основной информации. Это объясняется, по-видимому, тем, что степень коммуникативного динамизма (КД) вторичного предиката

(предикатного ЛСВ) выше степени КД первичного предиката (глагола). Так, в приведенных выше примерах важным, новым является не действие, выраженное глаголом (to find, to think), а тот признак, свойства, качества, которые обнаруживаются в предмете посредством этого действия; groove, gas предикатует предмету (the theatre) свойство вызывать положительные эмоции; yawn - предикатует предмету свойство вызывать скуку. Именно данные прагмемы задают общий прагматический эффект высказывания.

Для прагматических ЛСВ естественными являются и полупредикативные позиции. Речь идет прежде всего о приложении и определении. Как известно, определительные связи представляют собой свернутые предикативные связи и находятся в прямом соответствии с понятием полупредикативности [Виноградов, 1955, 155]. По мнению А.И. Смирницкого, связь между определяемым и определяющим теснее, нежели связь между подлежащим и сказуемым [Смирницкий, 1957]. Определение-это погашенное сказуемое в одном случае и более или менее приглушенное--в другом.

Анализ функционирования новых предикатных ЛСВ в позиции определения подтвердил известное положение о том, что между определяемым и определением существует скрытая (представленная как данное, неактуализированная) предикация. Например:

... "Marooned"; on the other hand, a scific epic, is total straight *Dullsmille* ... At times this picture seems, like a straight-faced parody of nice-guy, concerned--American stereotypes and the dummies in space have left *dum-dum* wives below, (dum-dum--a stupid person; Dullswille -- the state of complete dullness)

Скрытая предикация, существующая между определяемым и определением, может быть эксплицирована через трансформацию предикативации (термин Н.Д. Арутюновой) [1976]: dum-dum wives the wives are dum-dums. Ср.:

The board seems to encourage the local state of political apathy depending on entrenched hacks and knee-jerk Republicans to turn out the winning vote. (the Republicans are *knee-jerks*) (knee-jerk--a person whose reactions are reflexlike)

В качестве прагматической аномалии для новых предикатных ЛСВ может выступать их функционирование в позиции подлежащего. В целом, эта позиция является нетипичной для новых единиц вообще и для предикатных в частности. Как известно, за подлежащим в общем случае грамматически закреплена функция темы сообщения [Матезиус, 1967, 444].

Каким же образом разрешается противоречие между внутренней рематичностью новых оценочных ЛСВ и тематической функцией подлежащего? Прежде всего, это выражается в том, что в позиции подлежащего оценочные прагмемы, как правило, употребляются с указательными и притяжательными местоимениями или определенным артиклем, которые частично десемантизируются, несколько приглушают свои дейктические компоненты и приобретают дополнительные эмфатические компоненты. Например:

That big *hang-up* for drivers caught in traffic line-ups--the overheated engine--could soon become a thing of the past. (hang-up--anything frustrating or depressing)

Частично сохранив свое основное дейктическое значение, местоимение указывает на предшествующее упоминание в высказывании. Но при этом, как правило, оно выполняет функцию «мнимой» отсылки (т. е. по отношению к референтам, реально не упоминавшимся ранее) [Арутюнова, 1976, 349].

Предложениям этого типа как бы предшествует некоторое имплицитное утверждение. Например:

That problem -- the overheated engine -- is a big *hang-up*. It soon can become a thing of the past.

В высказывании наличествует пресуппозитивная предикация [Арутюнова, 1976, 341]. Прагмема hang-up дает оценку референту и тем самым актуализирует закодированное в эмоционале прагматическое намерение автора. Иными словами, даже занимая позицию подлежащего, новые предикатные ЛСВ существительных коррелируют с прагматическим центром высказывания. Именно новая прагмема несет в себе основной заряд эмоционального воздействия на адресанта-читателя. Новый предикатный ЛСВ передает основной пафос высказывания и тем самым участвует в формировании его прагматического эффекта. Итак, новые предикатные ЛСВ существительных, представляющие собой единицы с «запрограммированным» прагматическим эффектом, в процессе построения высказывания выполняют роль компонентов, конституирующих его прагматику; в отличие от традиционных, канонических единиц новые ЛСВ, как правило, коррелируют с рематичными сегментами высказывания, актуализируя свою внутреннюю рематичность. С точки зрения формально-грамматического членения предложения для новых предикатных ЛСВ характерно функционирование в предикативных и полупредикативных позициях, позиция подлежащего является для них аномальной. Одновременно с этим новые прагмемы несут пресуппозитивную предикацию, которая эксплицируется путем трансформации.

Мы рассмотрели взаимодействие прагматики нового слова (в данном случае эмоциональной прагматики) с прагматикой одной из единиц текста -- предложения (высказывания).

Далее новое слово вступает во взаимодействие с прагматическими свойствами текста, одним из которых является его новизна. На уровне языковых и мыслительных категорий новизна текста соотносится с его читабельностью. На уровне деятельностной категории новизна соотносится с ценностью текста. Текст, не несущий новой информации, ценным быть не может. Однако не всякий текст, обладающий новизной, имеет ценность. Информация, почерпнутая из текста, содержащего новые слова, позволяет реципиенту изменить свой тезаурус личности, начиная от расширения (включение новых элементов в некоторые файлы-подмножества), до более или менее значительного переструктурирования, т.е. изменения состава и структуры файлов некоторого фрагмента тезауруса личности [Каменская, 1987, 78].

Известно, что тезаурус коммуникантов, который должен рассматриваться как часть культурной и научной компетентности коммуникантов, воплощается в пресуппозициях общения [Колшанский, 1984, 25]. Известно также, что социальные статусы коммуникантов, их личности представлены в коммуникативном акте как категории пресуппозиции. Исходя из этого, прагматическая информация в слове может рассматриваться как закодированные пресуппозиции акта коммуникации. При этом мы отдаем себе отчет в том, что речь идет лишь о части пресуппозиций. Помимо показателей возраста, профессии, социальной функции в понятие пресуппозиции входят отношение к адресату, конкретный мотив, побудивший его к данному акту общения, прогнозирование восприятия, содержания коммуникативного акта, пред- и посттекст. Между видом пресуппозиции (показатели возраста, социального статуса, пола и т.д.) и типом прагматической информации в слове существует определенная связь. Определенные компоненты пресуппозиций коммуникантов соотносятся с определенным типом прагматических компонентов в слове. Так, например, пресуппозиция профессионального статуса кодируется прагматическими компонентами в интенционале значения.

Пресуппозиции намерения говорящего кодируются в эмоционале значения. Так, почти все оценочные слова предполагают положительный или отрицательный эмоциональный код.

Для декодирования прагматических компонентов значения слова в тексте необходим прагматический контекст.

В последние десятилетия в связи с установлением коммуникативно-прагматической исследовательской парадигмы трансформировалось само понятие контекста. Так, Дж. Лайонз перечисляет следующие универсальные черты контекста:

- 1) знание ролей и статусов коммуникантов;
- 2) знание пространственной и временной локации;
- 3) знание стиля, соответствующего каналу передаваемой информации (письменная речь или устная);
- 4) знание области использования языка, определяющей соответствующий регистр;
- 5) знание предмета разговора [Lyons, 1977].

Перечисленные черты во многом повторяют основные параметры коммуникативно-прагматической ситуации, разработанной Э.С. Азнауровой (см. с. 53 настоящего пособия). Однако в отличие от КПС, в понятие контекста входят прежде всего лингвистические параметры.

Е. Окс добавляет к понятию контекста психологические компоненты (внимание коммуникантов, их действия во время и после речевого акта), а также уровень знаний участников коммуникации [Ochs, 1979]. При этом и Дж. Лайонз, и Е. Окс подчеркивают необходимость учета лингвистических черт контекста, так как именно эти черты являются, по выражению Дж. Гамперца, контекстуализирующими сигналами (contextualization cues) [Gamperz, 1977].

В советской лингвистике проблемы контекста в аспекте прагмалингвистики разрабатывались в работах Г.В. Колшанского [1980, 1984], В.Я. Мыркина [1978], Э.С. Азнауровой [1984, 1988]. Контекст рассматривается ими как глобальное явление, как комплекс языковых и неязыковых значений, получающих свое выражение на вербальном и невербальном уровнях.

Вслед за Э.С. Азнауровой, считаем необходимым ввести понятие прагматического контекста. «В языковом плане--это отрезок речевой цепи, содержащий достаточные вербальные сигналы для выявления прагматического содержания слова» [Азнаурова, 1984, 10].

Именно в пределах прагматического контекста происходит переход в употреблении и восприятии слова с уровня значения на уровень смысла, в частности, прагматического. Осознание этого смысла адресатом квалифицируется как понимание высказывания. Сигналы для выявления прагматики слова могут выходить за рамки вербальной репрезентации. В этом случае прагматический контекст включает все виды опосредованного декодирования сообщения на базе фоновых знаний, умозаключений [Азнаурова, 1984, 9]. Очевидно, существует определенная корреляция между типом прагматической информации в слове и типом контекстуальных сигналов, декодирующих эту информацию.

Для декодирования пресуппозиций профессионального статуса, локализующихся в интенционале словозначения, как правило, достаточно вербальных сигналов прагматического контекста. Например:

A *toss* is no funny business, and the risks for a cop are enormous at all times, and for this reason he has mastered some ... techniques. (toss--US si a search for narcotics)

В качестве контекстуального сигнала, декодирующего прагматику нового значения слова, выступает слово *cop*. Для декодирования прагматических компонентов эмоционала также достаточно вербальных сигналов. Для реализации новой эмоциональной прагматики, кодирующей тональность ситуации, например, неофициальную, в прагматическом контексте необходимо наличие традиционной разговорной лексики. Например:

He thinks if I write about him, it's jolly, jolly good. And if I don't it's a piece of badly written *drag*.

Слово *jolly*, употребление которого традиционно ограничено рамками неформального общения, служит сигналом, актуализирующим новую эмоциональную прагматику слова *drag* (а именно, неофициальную тональность), которая вместе с тем коррелирует с отрицательным эффектом всего высказывания.

Зачастую слово кодирует в себе сразу два параметра, два вида пресуппозиции. Например, *bad* (в значении *good*) кодирует пресуппозиции этноса и одновременно, по линии ситуативной вариативности, намерение похвалить.

Для адекватного восприятия этого значения в контексте должны присутствовать определенные сигналы. Рассмотрим пример:

"It was," said the *baddest* heavyweight champion of the world, "like being in the middle of a rainbow knowing that at the end there is a pot of money waiting." The irony, added Larry Holms, he thought the waking was over when he won the World Boxing Council version of the title last June from Ken Norton.

В данном примере в качестве контекстных сигналов, декодирующих прагматическое содержание слова *bad*, выступают такие единицы, как *champion*, *won*. Они сигнализируют положительное значение слова и как следствие становится ясным, что речь идет о темнокожем спортсмене, ибо, как указывалось выше, данное значение слова *bad* ограничено в употреблении рамками негритянского населения. Одновременно *the baddest* является рематическим пиком высказывания и создает общий положительный прагматический эффект высказывания. Например:

Our differences are complimentary. Bullins is a bad dude. There's no *better* playwright in the American theatre today.

Здесь в качестве актуализатора новой семантики, а, следовательно, и прагматики слова, выступает сравнительная степень слова *good*. Положительный прагматический эффект достигается в данном случае комплексно--как за счет эмоциональной прагматики *bad*, так и за счет актуализатора *better*.

Особую сложность представляет декодирование импликациональной прагматики слова. Как правило, здесь недостаточно вербального контекста. Сигналы для выявления прагматики слова соотносятся с основными значениями. Речь идет о так называемом «обстановочном», «фоновом» или «культурном» контексте [Шведова, 1982; Степанов, 1982].

Так, для адекватного декодирования прагматики словосочетания *Alf Garnett* (a type of working class British man, who often reacts to social pressures in a bigoted and self-righteous manner), которое обычно употребляется представителями высшего класса с пренебрежением по отношению к рабочему, недостаточно вербального контекста. Например:

Beneath that veneer, presumably, lie dark and hideous passions Lord Hunt worries that the "*Alf Garnetts*" may become the derisive voice in our society.

В приведенном контексте слово *lord* может лишь приблизительно указывать на употребление данного слова представителями высших кругов по отношению к рабочим, а глагол *worries* лишь частично эксплицирует их негативное отношение к нижестоящему на социальной лестнице.

Ср. употребление американского синонима *Alf Garnett*-- *Archie Bunker*:

My answer was that it must be precisely my kind of person who must gladly give it all away for the sake of his country if his country is to survive. We can count on *Archie Bunker*, God bless him. But Archie isn't Mac Arthur, he isn't a cryptanalyst, he isn't a journalist writing to the millions of Archies.

Для адекватной информации приведенных выше примеров необходимы дополнительные фоновые знания, связанные с Alf Garnett и Archie Bunker--персонажами британского и американского телевизионных сериалов, в которых они ведут себя грубо, иногда проявляют расистские инстинкты, вызывают у представителей среднего и высшего слоев общества чувство неприязни.

Таким образом, мы попытались ответить на вопрос о взаимодействии прагматики нового слова с текстом в двух аспектах:

- 1) в аспекте адресанта (адекватный выбор слова в зависимости от его прагматической маркированности и правильное построение предложения (высказывания));
- 2) в аспекте декодирования прагматического смысла слова со стороны адресата (понимание, интерпретация услышанного, прочитанного).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное пособие явилось попыткой описать новые словарные единицы в аспекте функциональной лексикологии.

Целью пособия было показать технику активных номинативных процессов в прагматическом аспекте, дифференцировать прагматические факторы различных порядков в их соотносительности с семантическими аспектами слова, наметить пути выявления механизмов взаимодействия лексических инноваций с текстом в системе коммуникации. Написание данной книги было затруднено тем, что не решен целый ряд проблем, относящихся к прагмалингвистическому анализу слова, и отсутствует единая трактовка лингвистической прагматики как целостной теории с четкой очерченной программой исследования. Между тем, центральным понятием языкознания последних десятилетий является понятие функции. «Сердцевину функционального языкознания образует личностно-ориентированная деятельностная лингвистика» [Сусов, 1988, 9]. Особую важность функциональный подход приобретает при описании изменений в словарном составе языка. Эволюция лексики предполагает не просто смену ее состояний, но и функциональные изменения составляющих словаря. Исходя из того, что «само понятие языка включает динамику языка как деятельности» [Колшан-ский, 1984], мы попытались рассмотреть основные проблемы неологии в аспекте деятельностного подхода к языку, выявить взаимосвязь между прагматическими и эволюционными аспектами номинативной деятельности. Анализ факторов появления новых слов был проведен в соотносительности с прагматическими потребностями общества в целом, отдельной социальной группы, отдельного индивидуума.

Нами была предпринята попытка представить основные номинативные типы и модели неологизмов последних двадцати пяти лет с учетом факторов, ограничивающих диапазон действия той или иной модели или, напротив, способствующих ее активизации или же расширению сферы ее действия. Проблема отношения к неологизмам (их принятия или нет) была представлена в соотносительности с различными социопрофессиональными, возрастными, национальными и прочими и группами носителей языка. Социализация неологизмов по-разному протекает в различных группах.

Известно, что одной из важнейших проблем неологии является лексикографическая обработка новых слов. В аспекте деятельностного подхода к языку лексикографическая фиксация неологизмов требует учета прагматически-релевантных факторов и введение в словарную статью прагматической зоны, что, в свою очередь, требует расширения существующей сетки помет.

Анализ активных номинативных процессов в английском языке последних десятилетий позволяет говорить о наметившейся тенденции к увеличению композиционных семантических структур. Среди производных и сложных единиц наблюдается тенденция к многокомпонентности, что является результатом появления новых моделей на базе стяжения словосочетаний. С другой стороны, рост многокомпонентных лексем, как ни парадоксально, отвечает тенденции к рационализации языка, ибо новые слова являются более компактными номинативными единицами по сравнению со словосочетаниями, характеризующимися большей степенью расчлененности. Иными словами, усиливается процесс универбации. Необходимо также отметить тенденцию к преобладанию мотивированных единиц с внутренней предикацией.

Среди новой лексики преобладают номинации, новые как по форме, так и по содержанию. Анализ новых номинативных единиц по способу создания показал, что в языке последних десятилетий преобладают морфологические неологизмы, т.е. единицы, созданные по образцам, существующим в языковой системе, и из морфем, наличествующих в данной системе. Между типом номинативной единицы и способом ее создания существует определенная корреляция. Так, собственно неологизмы, единицы, сочетающие новизну формы с новизной содержания, с точки зрения способа создания, являются фонетическими и морфологическими неологизмами, заимствованиями. Трансноминации, сочетающие новизну формы с содержанием, уже передававшимся ранее другой формой, появляются путем заимствования, а также через морфологическое словообразование. Семантические инновации, сочетающие новизну содержания с уже существующей формой, появляются путем изменения значения. Для новой английской лексики характерно вычленение большого количества полуаффиксов, в чем проявляется тенденция к морфемизации свободных форм. Иссле

дование морфологических неологизмов (в особенности, аффиксальных) показало их тенденцию к терминологизации, к строгой прагматической закреплённости за определённой научно-технической сферой.

При анализе активных номинативных процессов мы попытались показать действие различных прагматических факторов, вызывающих к жизни новые лексические единицы.

Чрезвычайно важным, на наш взгляд, было показать связь прагматических факторов с гносеологическими аспектами языковой эволюции. Иначе говоря, мы попытались ответить на вопрос о том, какие фрагменты общественного опыта требуют лексической фиксации и какова роль прагматических факторов в этом процессе.

Изменения в деятельном опыте человека ведут к появлению новых и расширению старых фрагментов в картине мира (в интегральном образе мира), требующих фиксации на языковой карте. Меняется картина мира, появляются новые секторы: космонавтики, компьютерной техники, геномной инженерии, наркомании, новых видов питания, новых видов протеста. Расширяются традиционные сектора: сектор болезней, лекарств, диагностик.

Между картиной мира как отражением реального мира и языковой картой как фиксацией этого отражения существует сложное, не однонаправленное диалектическое соотношение, которое свидетельствует об изменении категоризации в картине мира, о появлении новых концептов. Как правило, появление нового фрагмента действительного опыта носителей языка автоматически фиксируется на лексической карте. Однако иногда новые единицы номинации возникают для фиксации фрагмента картины мира, уже давно существующего и отражённого в сознании носителей языка, но ещё не ословленного. Один и тот же фрагмент в картине мира может фиксироваться на лексической карте двумя номинативными единицами, одна из которых неологизм. В результате соперничества побеждает новая единица в силу, как правило, большей экспрессивности, рациональности, экономичности, компактности, что связано с тенденцией к устранению избыточных средств выражения, а также с тенденцией к экономии языковых усилий. Исходя из того, что «коммуникативно-прагматическая волна усиливает потенциал системно-структурных исследований, расширяет возможности этого подхода за счёт вторжения в сферу социального и социально-психологического» [Караулов, 1987, 18–19], мы предприняли попытку проанализировать связь прагматических факторов с системно-семантическими изменениями в лексике современного английского языка.

Адекватный выбор лексической единицы из множества вариантов с целью достижения конечной цели коммуникации--воздействия на партнера--лик гуде ген комму пика Iивно-ира1 магической нормой, которая отбирает и закрепляет допустимые, естественные в типовой ситуации единицы и ограничивает их от недопустимых.

С другой стороны, «повторяющиеся употребления слова в типичных коммуникативно-прагматических контекстах могут привести, в конце концов, к узальной закреплённости прагматического смысла в семантической структуре лексической единицы в виде отдельных сем или блоков» [Азнаурова, 1988, 17]. Иными словами, речь идет о закодированных в лексическом значении слова чертах контекстов его употребления. Данный код определяет прагматическую заданность лексической единицы, её прагматическую маркированность на уровне системы.

Постулат о существовании прагматического аспекта в значении нового слова на первый взгляд может показаться парадоксальным, содержащим contradiction in adjecto. Однако можно говорить о существовании особой прагматики нового слова, отличной от прагматики канонического слова. Прежде всего, прагматической нормой для нового слова зачастую является нарушение конвенциональных прагматических норм. В прагматике нового слова закодирована психологическая установка говорящего на оригинальность, неповторимость, неординарность. Новое слово формируется в когнитивной системе индивида под влиянием определенных коммуникативно-прагматических потребностей и намерений.

Особого внимания заслуживает динамика прагматического аспекта нового слова. Ибо онтологическая сущность прагматики нового слова заключается в её динамическом характере. В момент первичного употребления нового слова в модальной рамке его значения присутствует прагматический компонент, кодирующий модальность «неожиданность», отражающую отношение модального субъекта к предполагаемому нормативному ходу событий [Вольф, 1988]. Данный компонент связан с прагматикой говорящего. В аспекте прагматики слушающего новое слово кодирует модальность «удивление», т.е. реакцию говорящего на инновацию. При повторном употреблении нового слова по мере его конвенционализации происходят изменения как в распределении прагматических компонентов между различными аспектами словозначения, так и в характере их наполнения. Происходит приглушение компонентов, кодирующих упомянутые выше типы модальностей. Появляются компоненты, фиксирующие как новые типы модальностей, так и абсолютно новые дополнительные параметры коммуникативной ситуации, в которой преимущественно употребляется данное слово.

В пособии была предпринята попытка прагматической дифференциации новой лексики по линии ограничений на употребление как с точки зрения внешних факторов, так и с точки зрения факторов содержательного порядка. Анализ языковой природы прагматического значения слова позволяет сделать

вывод о том, что прагматические (предписывающие) компоненты могут соотноситься с любым из трех планов словозначения: интенционалом, эмоционалом, импликационалом.

Можно говорить о возможности классификации прагматических компонентов значения по двум принципам: 1) по соотносительности с определенным аспектом словозначения; 2) по соотносительности с внешними параметрами коммуникативно-прагматической ситуации, которые кодируют данные компоненты. Между двумя принципами существует тесная взаимосвязь, которая должна быть отражена в словарях. Так, прагматические компоненты, кодирующие ограничения по профессиональному параметру, соотносятся с интенционалом значения и могут быть эксплицитно выражены в словарной дефиниции, вторгаясь в ее семантическую зону. Прагматические компоненты, кодирующие социальный статус говорящего, возраст, пол, как правило, соотносятся с импликационалом значения. В словарях подобная маркированность должна быть отражена через систему прагматических помет, которая, однако, на данный период не может считаться удовлетворительной. Прагматические компоненты, кодирующие такие параметры прагматической ситуации, как тональность, определенное эмоциональное намерение говорящего, соотносятся с эмоционалом словозначения. В словаре данные компоненты отражаются через сеть эмоциональных помет, которая нуждается в значительном расширении.

Попытка прагматической дифференциации лексики по линии ограничений в зависимости от типа прагматических компонентов в словозначении показала, что в новой лексике английского языка можно выделить три больших пласта: 1) слова с интенциональными прагматическими компонентами; 2) слова с эмоциональными прагматическими компонентами; 3) слова с импликациональными компонентами. При этом учитывалась внутренняя коммуникативная природа слова (идентифицирующая или предикатная). Функции идентификации и предикации входят в состав прагматических факторов, обуславливающих функционирование словесных знаков в процессе общения.

Между типом языкового знака (предикатный vs идентифицирующий) и типом прагматических компонентов существует определенная корреляция. Так, у идентифицирующих знаков прагматические компоненты являются преимущественно интенциональными или импликациональными. В значении идентифицирующих (гетеросемных) знаков эксплицитно выражен выбор признаков денотата и сама денотативная предопределенность их значения очерчивает круг возможных ситуаций употребления данных единиц. У предикатных (моносемных, характеризующих) знаков прагматические компоненты локализируются, как правило, в эмоционале или в импликационале. У них отсутствует четкая референтная соотносительность. Данные слова употребляются, как правило, в качественных ситуациях неофициальной тональности, участники которых находятся в симметричных, равных по статусу отношениях.

Таким образом, можно говорить о реальности существования в семантической структуре словозначения прагматического значения как одного из типов значения. При этом, однако, ошибочно утверждать, что прагматика слова соотносится с одним единичным аспектом структуры словозначения. Она пронизывает все ее аспекты. Можно говорить о существовании определенной типологии прагматических компонентов в значении слова.

Прагматическая дифференциация новой английской лексики в зависимости от внешних параметров ситуации общения позволяет сделать вывод о тенденции к повышению роли возрастного, полового и этнического параметров, определяющих адекватный выбор той или иной лексической единицы в процессе коммуникации. Соответственно увеличивается слой новой лексики, ограниченной в употреблении данными параметрами. При этом ведущая роль сохраняется за социо-профессиональными факторами.

Проблема соотношения прагматики и семантики была рассмотрена также в аспекте взаимоотношения прагматической и семантической вариативности. Мы попытались ответить прежде всего на вопрос о том, каким образом изменения в семантике связаны с изменениями в прагматическом потенциале слова. С другой стороны, была предпринята попытка показать как изменения в употреблении слова связаны с расширением семантической структуры слова. Появление нового ЛСВ слова влечет за собой изменение прагматического потенциала всей лексемы. Расширяется спектр ситуаций, в которых употребляется слово, соответственно появляются новые ограничения на употребление. Прагматический потенциал слова складывается из прагматик каждого отдельного ЛСВ, входящего в семантическую структуру лексем. Одна и та же лексема в своих различных ЛСВ реализует различные аспекты своего прагматического заряда. Каждый ЛСВ характеризуется своими ограничениями. Но определенные типы значений отличаются типичным набором прагматических компонентов, предписывающих их употребление в определенных типах ситуаций. Например, предикатные ЛСВ, как указывалось выше, как правило, ограничены в употреблении качественными ситуациями неформального общения. Это объясняется тем, что предикатные (характеризующие) знаки кодируют в себе один из параметров коммуникативно-прагматической ситуации--намерение охарактеризовать, дать оценку. Образование новых значений слов последних десятилетий идет преимущественно путем метафорического переноса (за счет актуализации одного из признаков импликационала исходного значения) и через процесс сужения значения. По линии изменений в коннотативном значении преобладает процесс пейорации. Новые ЛСВ слова обрастают новыми прагматическими характеристиками.

С другой стороны, лексические единицы проявляют прагматическую мобильность как по линии ситуативной вариативности, так и по стратификационной линии. В результате употребления слова в новой ситуации представителями иного социолекта оно может развить новый оттенок значения, который затем оформляется в

новый ЛСВ. По линии ситуативной вариативности в лексике последних десятилетий преобладает процесс терминологизации, что на семантическом уровне соотносится с сужением значения. Наблюдается динамика лексики из центра на периферию.

По линии стратификационной вариативности идет процесс миграции лексемы из социолекта одной социальной малой группы в общеупотребительный пласт. Особую роль в пополнении словарного состава играют социолекты различных субкультур. Соотношение между субкультурой с ее языком и доминирующей культурой с общепринятым языком носит не односторонний, а диалектичный характер. Лингвистическая диффузия социолекта происходит как результат диффузии субкультуры в доминирующей культуре. Прагматическое варьирование возможно и на уровне отдельного ЛСВ. Речь идет о тех ЛСВ, которые имеют амбивалентную прагматическую оценку, т.е. знак оценки варьирует в зависимости от позиции адресанта, от его установки. Иными словами, речь идет о единицах, зависимых от социума. Социально-маркированный амбивалентный ЛСВ будет актуализировать положительную или отрицательную оценку в зависимости от того, кто его употребляет--носитель социолекта или представитель доминирующей культуры.

Внутри группы оценка носит положительный характер, вне группы -- отрицательный, что связано с расхождением социальных ценностей и установок различных социальных групп.

В результате взаимодействия прагматической и семантической вариативности появляются новые лексические единицы, т.е. единицы, несущие коннотации новизны. Иными словами, имеет место временная вариативность. Таким образом, можно говорить о наличии в языке системы различных видов варьирования, диалектически связанных между собой.

Исследование прагматического аспекта нового слова с неизбежностью предполагает обращение к тексту, ибо «слова, словоформы и словосочетания являются лишь составной частью коммуникативного действия в рамках самостоятельных текстов»[Schmidt, 1981, 77].

Именно в тексте происходит декодирование прагматических компонентов слова. В процессе анализа мы попытались наметить пути решения вопросов взаимодействия нового слова с текстом: определение механизмов введения лексических инноваций в текст; определение коммуникативных ролей лексических инноваций в высказывании и их реализация через синтаксические позиции; выявление системы прагматически обусловленных зависимостей: текст -- единицы текста -- компоненты единиц текста и на этой основе декодирование прагматики слова в тексте; анализ взаимодействия прагматического потенциала слова с прагматическим эффектом высказывания; выявление взаимосвязи прагматики слова с прагматической установкой всего текста.

Прагматика нового слова отличается от прагматики традиционной лексической единицы тем, что в прагматическом значении инновации отражается след времени. Иными словами, в прагматическом значении нового слова содержится временная коннотация новизны, которая создает внутреннюю рематичность новообразований. Будучи онтологически рематичными, они, как правило, входят в состав ремы или в рематичные сегменты высказывания (преимущественно, автосемантические). В процессе построения высказывания прагматика слова, как правило, не отражается эксплицитно, а присутствует имплицитно и обеспечивает правильное, удовлетворительное общение.

Представлялось важным вскрыть взаимосвязь между прагматикой слова и такими составляющими прагматики текста, как, например, прагматический эффект всего текста. В этой связи был учтен кооперативный принцип и принцип вежливости Д. Грайса [Grice, 1981]. Так, например, именно принцип вежливости (максима

такта) требует введения в текст новой эвфемистической лексики с целью достижения желательного положительного прагматического эффекта.

Введение в текст новых слов непосредственно взаимосвязано с изменением в тезаурусе личности. Исходя из того, что тезаурус коммуникантов является компонентом пресуппозиции общения [Колшанский, 1984], а личности коммуникантов, их социальные статусы представлены в коммуникативном акте как категории пресуппозиции, прагматическая информация в слове рассматривается нами как закодированные пресуппозиции акта коммуникации. В данном пособии мы попытались ответить на вопрос о взаимодействии прагматики нового слова с текстом в двух аспектах: 1) в аспекте адресанта--адекватный выбор слова в зависимости от его прагматической маркированности и правильное построение предложения (высказывания); 2) в аспекте декодирования прагматического смысла слова со стороны адресата (понимание, интерпретация услышанного, прочитанного).

К сожалению, рамки пособия не позволили нам осветить все аспекты взаимодействия прагматики нового слова с прагматикой текста. Дальнейшее исследование предполагает выявление более глубинных механизмов этого сложного процесса.